

СМЕРШ —
спецназ Сталина

УБИТЬ СТАЛИНА...

Евгений Сухов

СМЕРШ – спецназ Сталина

ЕВГЕНИЙ СУХОВ
УБИТЬ СТАЛИНА

«ЭКСМО»

2006

Сухов Е.

Убить Сталина / Е. Сухов — «Эксмо», 2006 — (СМЕРШ – спецназ Сталина)

ISBN 978-5-699-22576-7

Он и сам уже не помнит своего настоящего имени. В немецкой диверсионной школе он проходит как майор Маврин. И готовят его здесь к сверхсложному заданию – майору предстоит убить самого Сталина. В его распоряжении новейшее оружие из секретных арсеналов вермахта, да и сам он – настоящая боевая машина, которую невозможно остановить, когда она движется к цели. Как ни странно, но осуществить террористический акт против Верховного – дело вполне возможное. Ведь это не только желание высших членов Третьего рейха, есть люди и в советском правительстве, мечтающие ликвидировать Хозяина. В сложном лабиринте заговора бродит майор, здесь играют без правил, и неизвестно, кто нанесет тебе удар – свои или чужие...

ISBN 978-5-699-22576-7

© Сухов Е., 2006

© Эксмо, 2006

Содержание

Часть I. ОПЕРАЦИЯ «ВОЗМЕЗДИЕ»	5
Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	18
Глава 7	20
Глава 8	27
Глава 9	31
Глава 10	35
Глава 11	40
Глава 12	45
Глава 13	49
Глава 14	52
Глава 15	58
Глава 16	60
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Евгений Сухов

УБИТЬ СТАЛИНА

Часть I. ОПЕРАЦИЯ «ВОЗМЕЗДИЕ»

Глава 1 ЗАГОВОР

В кабинете царил полумрак. Солнце, по-весеннему яростное, норовило пробиться сквозь темно-синие шторы, но безуспешно – терялось в плотной ткани. Только в том месте, где осталась крохотная щель, оно добиралось рассеивающимся лучиком до кресла, на котором сидел плотный мужчина в добротном сером костюме. Но даже безукоризненный покрой костюма не мог скрыть недостатки его полнеющей фигуры. На мужчине были черные ботинки, вычищенные до блеска. На шее в цвет костюму модный галстук в тонкую белую полосу, повязанный крупным узлом. Круглое, слегка одутловатое лицо, хищный нос с небольшой горбинкой.

– У меня есть информация, что Сталин месяца через три-четыре поедет в Сочи на лечение, – сказал он негромко с едва заметным кавказским акцентом.

– Не самое удачное время, немцев едва с Волги отбросили, – изрек его собеседник, человек в военной форме с погонами комиссара третьего ранга. Молод, не более тридцати пяти лет. Коротко стрижен, сквозь колючий редкий ежик предательски пробивалась светлая макушка.

Собеседников разделял небольшой стол, на котором была разложена карта.

– У Сталина большие ноги. Запускать эту болезнь нельзя. Он, как приезжает в Сочи, так сидит в лечебной ванне по пять-шесть часов кряду. А потом ведь в Сочи нет войны. Что вы думаете по этому вопросу?

Генерал потер ладонью гладко выбритый подбородок и задумчиво сказал:

– Насколько мне известно, Сталина в Сочи очень хорошо охраняют. Только внутренняя охрана дачи состоит из двухсот автоматчиков.

Плотный мужчина одобрительно кивнул:

– Я вижу, что вы хорошо осведомлены. Могу только добавить, что дача Хозяина расположена в лесном массиве и внешнее кольцо контролируют еще до тысячи автоматчиков. Добавьте к этому, что все подходы к даче заминированы. Кроме этого имеются еще тайные посты охраны и всевозможные секреты. Рядом с берегом на боевом дежурстве всегда находится военный корабль, а на соседнем аэродроме целая эскадрилья. Так что атаковать дачу Сталина нет смысла ни с моря, ни с воздуха. Ни тем более со стороны леса.

– Так что же вы тогда предлагаете?

– Но все-таки слабое место в охране Сталина имеется. – Глаза горбоносого плутовато блеснули, грузинский акцент стал особенно заметен. – Это лечебница, где он принимает ванну. Непосредственно перед тем, как Сталин прибывает в санаторий, обычно всех отдыхающих удаляют.

– Да какие сейчас отдыхающие? – махнул рукой комиссар третьего ранга.

– А вот и не скажите, отдыхающих в последние месяцы как раз особенно много. Город превратился в один сплошной госпиталь. Так что этот фактор нужно будет использовать. После того как все отдыхающие будут удалены, охрана переводится на усиленный режим и занимает круговую оборону здания. Никто не может ни войти, ни выйти без соответствующего разрешения. – Победно улыбнувшись, он добавил: – Вот в это время и можно уничтожить Сталина.

– Каким образом? Подкупить кого-нибудь из его охраны?

Горбоносый отрицательно покачал головой:

– Это исключено. Охрана всецело предана Сталину. Кроме того, все они еще и следят друг за другом. Каждый их шаг контролируется, обо всем докладывается начальству. И очень часто лично Абакумову. Я говорю совсем о другом. В здание можно проникнуть заранее. Ночью по трубе, через которую подается лечебная вода. Диаметр трубы довольно большой. Конечно, люди с такими комплекциями, как у нас, по трубе не проберутся, но вот более стройные смогут проникнуть туда без труда.

– Но вы же сами сказали, что в нее подается вода.

– Вот в этом как раз и заключается вся хитрость, – весело продолжал горбоносый. – Ночью вода в лечебницу подается небольшим ручейком. Через трубу можно пройти до водосборника. – Он провел остро заточенным карандашом по карте. – А там можно затаиться до прихода Сталина. Действовать нужно группой, потому что одному человеку здесь не справиться. Оттуда можно будет пройти в рабочее помещение, в котором обычно находятся операторы, подогревающие воду. – Карандаш размашисто очертил овал вокруг предполагаемого помещения.

– Сколько там может быть операторов?

– Обычно их там бывает двое. Хорошо подготовленные люди легко могут уничтожить их без шума. Дальше идет кладовая. – Карандаш вновь заскользил по гладкой бумажной поверхности. – Обычно уборщицы хранят здесь свой скарб – ведра, совки, швабры, тряпки. В этом помещении, как правило, никого не бывает, а вот дверь кладовки выводит в коридор, где дежурит охрана. Охранников может быть трое или четверо. После того как охрана будет уничтожена, можно будет зайти в ванную комнату, которую занимает Сталин, и уничтожить его! – Он размашисто обвел большой круг, в центре которого поставил восклицательный знак. Кончик карандаша при этом обломился, и невзрачный серый осколочек грифеля остался лежать на бумаге.

– Наверняка завяжется бой, и вряд ли нашим людям после акции удастся выбраться оттуда, – помолчав, сказал лысоватый генерал.

– Верно. Обратного отхода не предусмотрено. Группа погибнет. Поэтому в нее должны войти только те, кто ненавидит Сталина и готов пойти на самопожертвование.

– А если все-таки им удастся уцелеть?

– В любом случае им все равно не выйти за территорию лечебницы. Каждого из них нужно будет снабдить ампулой с ядом. Как только задание будет выполнено, они должны будут ее проглотить. Мне известно, как в военной контрразведке выколачивают секреты, так что смерть для них будет самым благоприятным исходом. У вас найдутся такие люди?

– Думаю, что найдутся, – после некоторого колебания кивнул генерал. – Во всяком случае, один уже имеется, майор ГБ Трухин.

– Достойная кандидатура. Вам не жалко посылать его на смерть?

– Он понимает, на что идет.

– Хорошо. Подбирайте группу. Большую не надо, думаю, что человека четыре будет вполне достаточно, и займитесь ее подготовкой. Этот план можете оставить у себя, – показал он на карту. – Где-нибудь за городом, подальше от любопытных глаз, постройте здание – точную копию сочинского санатория и приступайте к тренировкам.

– У меня есть такое место, – оживился генерал. – Под Жуковском. Там у нас огорожена большая территория. Охраняется силами НКВД. Именно там мы отрабатываем приемы с оружием и всевозможные варианты захвата.

– Вот и приступайте. И помните, у вас в запасе не более трех месяцев.

– Слушаюсь.

Глава 2

ДЕВЯТЬ К ОДНОМУ

О прибытии Верховного в Сочи можно было догадаться по огромному количеству сотрудников НКВД, дежуривших в эти дни по городу. Немало их было и в санатории, где Сталин обычно проходил курс лечения. Пропускной режим сразу ужесточился, и лечебница воспринималась как режимный объект. Разгуливать днем по территории санатория было запрещено, а потому раненые отдыхали в палатах – поглядывали в окошко и только иной раз выбирались на крылечко, чтобы выкурить папиросу на вольном воздухе.

Относительный покой наступал лишь с заходом солнца, когда охрана отправлялась в казармы, – на территории оставалось только человек десять, еще столько же патрулировали по периметру санатория. И фронтовики, находящиеся на излечении, с оглядкой на запрет, все-таки выползали из палат.

Солдатский отдых всегда короток. Нужно успеть многое: насладиться предоставленной свободой, отдохнуть малость от грохота войны и попытаться завязать скоротечный, ни к чему не обязывающий роман с понимающей медсестрой.

Море, солнце, озорные глаза фронтовиков располагали к близости, а потому не стоило изумляться тому, что даже самые неприступные из сестричек кидались в любовные приключения с такой страстью, как будто опасались, что до завтрашнего утра могут не дожить. И в самых тенистых уголках санатория, куда редко заглядывают отдыхающие, можно было услышать жаркий любовный шепоток.

Жизнь всюду находит отдушину: на передовой, где до вечности возможно мгновение, и в глубоком тылу, в объятиях милой медсестры.

На невысокого широкоплечего человека в полосатой больничной пижаме и с подвязанной рукой никто не обратил внимания (мало ли кому вздумается затянуться дымком на свежем воздухе). Раскурив у крыльца папироску, он свернул в темную часть территории санатория, куда не добирался даже свет фонарей. Присев на лавочку, раненый с наслаждением покуривал, отправляя тонкую чуткую струйку дыма в темное небо. Вверху пустота. Кромешность. Баловала только луна, желто-ярким оком выглядывавшая из-за клочковатых туч.

Швырнув папиросу в траву, он подошел к ограде и отодвинул одну из досок. И тотчас на территорию санатория прошмыгнули две тени в темных маскировочных халатах. В руках у каждого было по небольшому мешку.

– Никого? – спросил один из подошедших (невысокий, но очень плотный парень, эдакий лесной боровичок), осматриваясь по сторонам.

– Все тихо, – приглушенно ответил широкоплечий. – Принесли?

– Все здесь, – показал парень на мешок. – Лешак, переодевайся, а то ты в своей пижаме, как бельмо на глазу, – произнес он, развязывая горловину мешка.

В носоглотку тотчас ударил запах оружейного масла. Вытащив маскхалат, он протянул его Лешаку.

– Размер твой. А пижаму давай сюда. Не бросать же ее под кустом.

– Тоже верно.

– А тебя не хватятся? – спросил третий, маленький и гибкий, как хорек. Телосложением он напоминал недоразвитого подростка.

– Не хватятся. Здесь у меня свояк неподалеку живет. Сказал, что к нему пойду.

Переодевшись, Лешак сунул пижаму в мешок и сказал:

– Пошли. Только давай поаккуратнее.

Стараясь не шуметь, они прошли вдоль кустов сирени, плотной стеной росших вдоль ограды.

– Где-то здесь, – прошептал Лешак, поглядывая себе под ноги, – будьте повнимательнее. Ага, вот!

Чугунный люк, встроенный вровень с землей, был неразличим даже на расстоянии нескольких шагов, – его наличие выдавала разве что небольшая проплешина в коротко стриженной траве, которую можно было увидеть, только приблизившись вплотную.

Поднатужившись, Лешак отодвинул чугунную крышку – негромко и сердито шаркнул металл. Прислушался: вроде бы никого – и только после этого заглянул в темный зев. Оттуда неприятно дохнуло застоявшейся сыростью, запахло сероводородом. На дне негромко и успокаивающе журчала вода, перекачиваясь по неровностям.

– Давайте за мной, только поаккуратнее.

Ухватившись за поручни, Лешак нащупал ногой металлическую перекладину и начал осторожно спускаться. Еще пара перекладин – и из люка торчала лишь его голова, нелепо задранная кверху.

– Никого?

– Слезай! Все в порядке.

Спрыгнув, Лешак почувствовал, как сапоги холодным обручем по-хозяйски обхватила ледяная вода. Вокруг мрак, только над головой хитровато подмигивала луна, размышляя о чем-то своем.

Он шагнул в тоннель и оказался в абсолютной тьме. Гулким эхом звучал каждый шаг, а вода, шум которой сверху казался всего лишь ласковым шепотом, теперь звучала подобно водопаду. Включив фонарь, Лешак направил рассеивающийся луч в сторону убегающего потока. Диаметр трубы оказался большим: в полный рост, конечно же, не пройти, но вот согнувшись можно передвигаться без особых хлопот.

Рядом спрыгнул второй, мелкий и худощавый Хорек, по виду сущий подросток. Но на самом деле ему было далеко за тридцать, и, несмотря на свой тщедушный вид, он был очень опытным диверсантом.

Третий, плотный боровичок с короткими мускулистыми руками, без труда задвинул люк, спрятавшись от любопытного взора ночных светил.

Вот теперь им ничто не помешает!

В трубе нестерпимо пахло сероводородом и еще какой-то скверной гнилью.

– Неужели вождь способен полоскаться в такой гадости?

– Выходит, что способен. Сколько нам идти? – спросил Хорек у Лешака.

– Метров триста, – тихо сказал Лешак, продолжая неторопливо идти вперед. – Сейчас немного пройдем по прямой, а дальше будет поворот направо. А уж там мы на месте!

В трубе гулко умирало эхо. Казалось, что шаги были слышны по всей длине трубы, а их затухающие отголоски широкой волной вырывались наружу и разносились по всей вселенной предупреждающим хлюпаньем. Вблизи что-то недовольно пискнуло. Лешак повернул фонарь на источник звука, вырвав у темноты крупную крысу. Стало быть, и эта тварь принимает лечебные ванны. Свет отразился в крохотных черных глазках. Никакого страха. Неужели принимает за своего? Посмотрели друг на друга два зверя и разошлись каждый в свою сторону.

– Водосборник, – указал Лешак на невысокий пролет.

Поднялись по узкой лестнице. Наверху была небольшая площадка, но для троих места хватит. Внизу негромко и успокаивающе журчала вода. На площадку выходила небольшая дверь, обитая проржавевшим железом, за этой дверью дежурили операторы.

– А теперь слушай меня, по моим данным, Сталин приедет в лечебницу в четырнадцать ноль-ноль. Так что у нас будет время еще раз как следует все продумать. – Лешак приподнял

фонарик. Рассеивающийся луч затронул посуровевшие лица спутников. – Действовать надо жестко, решительно, как на учении. Шансов у Сталина немного: девять к одному. А теперь давайте отдохнем. Скоро нам понадобятся силы.

Глава 3

СКАЗКИ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

Начальник шифровального отдела щеголеватый лейтенант (собственно, таким и должен быть молодец в неполных двадцать пять лет), с тонкими ухоженными усиками на узкой капризной губе, негромко постучавшись, вошел в огромный кабинет Абакумова и, вытянувшись в струнку, подчеркнув и без того безукоризненную осанку, коротко доложил:

– Пришла радиограмма от Лисы.

– Давай сюда, – заметно нетерпеливым тоном потребовал Виктор Семенович.

Лейтенант решительно двинулся к огромному столу, за которым сидел начальник Главного управления контрразведки, и положил узкую полоску бумаги на одну из верхних папок.

– Разрешите идти?

Виктор Семенович воткнул ручку в чернильницу и взял радиограмму.

– Ступай.

Четко развернувшись, начальник шифровального отдела вышел из кабинета.

Абакумов взял шифровку.

«Волку. В ближайшую неделю состоится покушение на Сталина. Где именно, сказать не могу, но информация достоверна. Лиса».

Прочитав, Виктор Семенович Абакумов аккуратно свернул листок и положил его в папку, где обычно хранились шифрограммы от Лисы. Аккуратно завязал тесемки. Вот здесь и прячутся сказки для взрослых. Надо будет поинтересоваться, кто утверждал клички агентов. Наверняка какой-нибудь любитель побасенок (таких вполне достаточно даже в контрразведке). Почему бы одного из агентов не окрестить Шахерезада?

К полученному сообщению следовало отнестись со всей серьезностью: не в правилах Лисы передавать сомнительные или непроверенные данные. Лиса была одним из наиболее ценных агентов и отличалась особой дотошностью. Практически ее донесения не нуждались в перепроверке. Впрочем, срок, указанный агентом, не давал времени на перепроверку. Времени просто уже не было.

Весь вопрос заключался в том, где именно может произойти покушение на Верховного. Кремль?

Исключено!

Охрана Сталина была одной из самых профессиональных в мире, даже Рузвельта не охраняют так тщательно. За каждым человеком, ступившим на Красную площадь, ведется пристальное наблюдение, а проникновение недруга за Кремлевскую стену и вовсе из области фантастики.

Может быть, покушение на Сталина состоится во время движения колонны с его автомобилем по Москве? Абакумов отхлебнул давно остывший чай. Напиток показался ему горьким, но разбавлять его он не стал. Теоретически такое нападение вполне возможно: не поставишь же на городских улицах глухие заборы и плотную круговую охрану. Здесь Хозяин особенно уязвим. Но машина у Сталина сплошь бронированная, а из Кремля он выезжает в сопровождении нескольких одинаковых автомобилей, и никто никогда не знает, какую именно он предпочтет в этот раз. По Москве Иосиф Виссарионович всегда передвигается на большой скорости, и надо быть невероятно подготовленным стрелком, чтобы попасть в движущуюся мишень. Причем это нужно будет проделать на глазах у десятков людей, среди которых окажется немало сотрудников НКВД.

Так что этот вариант тоже отпадает.

Тогда где же состоится покушение?

В душе Виктора Семеновича шевельнулось едва уловимое сомнение. А может, на этот раз Лиса все-таки ошибается? Или хуже того, агент раскрыт абвером, и теперь военная разведка сливает через него заведомую дезинформацию?

Нет, вряд ли...

Такой человек, как Лиса, с ее обостренным чувством восприятия окружающей обстановки, не может не почуять интереса к своей персоне со стороны немецких спецслужб. Наверняка она нашла бы способ сообщить, что раскрыта. Следовательно, нужно исходить из того, что информация вполне достоверная. Да, в любом случае исходить надо именно из этого.

Виктор Семенович вспомнил о том, что через два дня Сталин собирался отправиться в Сочи – лечить ноги. Вагон у него бронированный, да и вообще поезд больше будет напоминать крепость на колесах – вряд ли кто из диверсантов отважится нападать на Хозяина в пути. По всей железнодорожной трассе в охранении будут находиться дивизии НКВД, которые не допустят никакой подозрительной возни рядом с железнодорожным полотном.

Остается – Сочи.

Но ведь и там товарищ Сталин будет хорошо защищен. Его тамошняя резиденция располагается в лесу на возвышенности, с которой отлично просматривается вся местность. Чаща вокруг содержит немало взрывоопасных сюрпризов, которые станут для нападавших последним в их жизни препятствием.

Тогда где же?

И тут Абакумова осенило – лечебница! Вот она – ахиллесова пята!

По долгу службы Абакумову приходилось бывать в этой лечебнице не однажды. Территория ее была застроена небольшими домиками для персонала, между которыми широко разрослись кусты сирени и вечнозеленого тиса. Здесь, в этих зарослях, найдется немало потаенных, хитрых уголков, где мог затаиться враг.

Что ж, надо быть готовым к самому худшему. Подняв трубку, Абакумов коротко распорядился:

– Маркова ко мне!

* * *

Лешак открыл глаза. С улыбкой отметил, что на деревянной перекладине под потолком были развешаны для просушки портянки. Все-таки странно устроен человек... Быть может, уже через пару часов парням отправляться в небытие, а они заботятся о сиюминутном удобстве. Взгляды его спутников спокойные, даже где-то умиротворенные, какие бывают у людей, вошедших в транс.

Он посмотрел на часы. Стрелки показывали пятнадцать ноль-ноль. Товарищ Сталин уже разместился в ванне и распаривает свои суставы.

Лешаку было известно, что вождь никогда не раздевался в присутствии посторонних и предпочитает принимать ванны в полнейшем одиночестве. Это значительно облегчало их задачу. Важно только пройти в коридор, а дальше их ожидает ванная комната с голым Иосифом Виссарионовичем.

Он усмехнулся. Плескающийся в чугунной ванне Сталин – презабавное зрелище. Хорошо бы убедиться в этом воочию.

– Собираемся, – распорядился Лешак.

Без лишних разговоров все трое быстро собрались. В который раз проверили надежность оружия и подошли к Лешаку.

– Первый, посвети, – сказал он, протянув фонарь Боровику.

Первый взял фонарь и направил пучок желтого света на замочную скважину. В какой-то момент, поддавшись минутной слабости, Лешак хотел было спросить, как зовут каждого из них

(ведь не на гулянье же они идут, а на смерть). Но расчетливый профессионализм все-таки взял верх. Неизвестно, как сложатся ближайшие пятнадцать минут, а лишняя информация может погубить многих. Не стоит нарушать инструкции. Ведь каждая строка инструкции написана кровью. Пусть все будет так, как есть. Все эти три месяца он был для них Лешаком, себя они называли поскромнее: Первый и Второй. Он же про себя звал их Боровиком и Хорьком.

Умело открыв отмычкой дверь, Лешак оказался в темном служебном помещении. На крючках висели старые халаты. Здесь тоже был затхлый воздух, пахло плесенью. Казалось, что весь мир пропах сероводородом. Дальше находилась комната операторов.

Лешак взвел курок. Услышал, как позади него спутники проделали то же самое. Все роли давно распределены, теперь осталось только действовать.

Заглянув в замочную скважину, Лешак увидел человека, сидящего на диване, другой оператор разместился за приборами в кресле.

Вот теперь пора!

Ударив ногой в дверь, Лешак почувствовал, как расщепилась доска, а петли, не выдержав напора, сорвались с косяка.

Подняв пистолет, он дважды выстрелил – по пуле в каждую цель. Теперь можно прорываться в коридор, где должна находиться охрана. Каждое движение было отработано до мелочей в обстановке, которая с мельчайшей точностью воспроизводила помещение лечебницы. На учениях в девяти из десяти тренировок они одерживали победу – весьма неплохой показатель!

Лешак уже устремился к двери, чтобы выпрыгнуть в коридор, но боковым зрением обнаружил некую странность – операторы сохранили прежнее положение, лишь вяло колыхнувшись от ударов пуль. Мозг еще продолжал анализировать полученную информацию, а дверь уже распахнулась, и их встретило четыре пистолетных ствола, направленных точно в грудь. Выстрелов он не услышал (в состоянии транса случаются и не такие вещи), но зато отчетливо услышал, как за спиной раздался стон Боровика, увидел, как рухнул на бегу Хорек.

Но почему сам он тогда живой?!

В следующее мгновение широкоскулый охранник выбил из его рук пистолет, еще двое навалились на плечи, а третий, краснощекий детина, приподняв его голову за волосы, заорал прямо в лицо:

– Кто тебя послал?!

– Отпусти, скажу.

Хватка на секунду ослабла. Лешак локтем ударил краснощекого в переносицу и, вцепившись зубами в воротник рубашки, раздавил ампулу. По комнате почти тут же распространился характерный запах цианистого калия. Тело диверсанта дернулось и безвольно обмякло.

– Сдох, сволочь! – выругался старший, опуская тело на пол.

– Эх, надо было живым брать.

– Разве тут уследишь... Знал, на что шел, сучонок!

– Он мне лицо разбил, – пожаловался краснощекий, вытирая носовым платком кровь с лица.

Старший распрямылся, посмотрел на распластанный труп:

– Проверь пульс. Может, ваньку валяет.

Один из охранников приложил пальцы к сонной артерии.

– Готов. Что теперь с ними делать?

Похлопав по карманам, краснощекий достал пачку папирос. Выбив одну, продул мундштук, после чего привычно примял его.

– А чего тут сделаешь? Мы свое дело сделали. Отнесем жмуриков в морг, дальше ими займутся другие.

Неожиданно отравленный диверсант вскочил и прыгнул в распахнутую дверь водосборника. Почувствовал, что во время прыжка что-то острое царапнуло по лицу – боль ожгла щеку.

Ерунда... Главное – не останавливаться. Отстегнув от пояса гранату, Лешак швырнул ее в комнату и прыгнул в журчащий поток.

Позади грохнуло.

Пройдет минут пять, прежде чем его начнут преследовать. Этого времени вполне достаточно, чтобы пробежать сто метров до боковой двери, совершенно незаметной снаружи, – за дверью прямая узенькая труба уходила в сторону моря. А там его уже не достать.

Глава 4

АМПУЛА С ЯДОМ

– Как так получилось, что он ушел, а, Степан Дмитриевич? – спросил Абакумов, подняв строгие глаза на заместителя.

Марков невольно вытянулся. На этот раз Виктор Семенович даже не предложил ему присесть. Весьма скверный знак.

Во внешности начальника следственной части по особо важным делам Степана Маркова не было ничего примечательного, тем более героического: китель на нем сидел мешковато (несмотря на то, что был тщательно отутюжен), нескладно топорщился по бокам; и хотя черты лица были правильными – широкий лоб, округлый подбородок, слегка выступающий вперед, но полные щеки придавали его облику некоторую простоватость. Впрочем, именно так и должен выглядеть разведчик – неброско и без особых примет.

Вот только когда он начинал говорить, ощущение от его неказистости улетучивалось мгновенно – невольно верилось, что имеешь дело с человеком, наделенным немалой волей.

– Когда диверсант раскусил ампулу с ядом, то бойцы захвата посчитали, что он мертв.

– Они что – не могли проверить его пульс?

– Капитан Кириллов утверждает, что он ощупал ему сонную артерию. Пульса не было. Когда диверсант раздавил зубами ампулу с ядом, по комнате распространился запах, характерный для цианистого калия.

– Хотя бы гранату у него с пояса сняли, – укорил его Абакумов. – Столько человек погибло!

– Ведь никто не мог подумать, товарищ заместитель наркома обороны. Ведь он же по всем признакам был мертв! Покойник покойником!

– Вот вам и покойник! Где нам теперь его искать? Куда он ушел по трубе?

– Оказывается, в трубе была замаскирована дверца. О ней никто не знал. За этой дверью был подземный ход. Видно, остался еще с царских времен. Вот по нему-то он и ушел к берегу моря. Мы прочесали всю прилегающую территорию, но так ничего и не обнаружили. Скорее всего, его там поджидала машина. Его описание у нас имеется, продолжаем искать.

– Как эта группа оказалась в санатории?

– В санатории по подложным документам оказался один человек из этой группы. Именно он и помог остальным проникнуть на территорию.

– Узнали, кто это такой?

– Ищем, товарищ заместитель наркома обороны. Номер части, откуда он прибыл, имя, фамилия – все вымышленное. Остается предположить, что за этим человеком стояли очень серьезные силы.

– А личности убитых удалось установить?

– Никак нет, товарищ заместитель наркома обороны. Ни по каким картотекам они не проходят. Отпечатки пальцев тоже ничего не дали. Их очень серьезно готовили. Учили все. Почти все... – поправился Марков.

– Понятно... Что же это за яд такой? С характеристиками цианистого калия, от которого не умирают?

– Мы уже проработали этот вопрос. Такое вещество делают в секретной лаборатории Малиновского. Кроме нашего ведомства, им пользуется и военная разведка.

– Военная разведка? Это новость, – задумался Виктор Семенович. – Сделайте вот что. Возьмите под наблюдение всех, кто так или иначе мог иметь дело с этим веществом. Вам ведь приходилось работать в Китае?

– Так точно, товарищ заместитель наркома обороны. Пять лет был резидентом в Шанхае.

– Кажется, у китайцев есть такая мудрая пословица – не стоит дергать за усы тигра. В общем, постарайтесь сделать все это как-то поаккуратнее, что ли.

– Я все понял, товарищ заместитель наркома обороны. Разрешите идти?

– Кстати, это не вы утверждали клички для агентов?

– Так точно, этим занимался я. Что-нибудь не так?

– Да нет, все в порядке... – усмехнулся Абакумов. – Кстати, у вас там, среди агентов, Шахерезады нет?

– Никак нет. А что?

– Так, подумалось... От Племянника ничего нет?

– Молчит, Виктор Семенович. Опасаюсь, что он раскрыт.

– Жаль, очень способный был разведчик. Повременим еще неделю, и надо будет готовить следующего агента. Мы не можем долго ждать.

– А что, если попробовать Герасимова?

– Герасимова? – задумался Абакумов. – Кажется, у него были репрессированы родители?

– Верно, он из репрессированной семьи кулаков. Воспитывался в детдоме. Окончил школу разведчиков. Его очень хвалил начальник школы генерал-лейтенант Голицын.

– Знаю такого. Не подведет этот ваш Герасимов?

– Я за него ручаюсь.

– Хорошо. Будь по-вашему. И продумайте как следует его легенду. Уверен, что немцы будут его тщательно перепроверять.

– Сделаем. Разрешите идти?

– Идите.

Марков четко развернулся и уверенным шагом вышел из просторного кабинета начальника Главного управления контрразведки СМЕРШ, созданного совсем недавно, в апреле 1943 года.

Глава 5

Я ПРИШЕЛ СДАТЬСЯ В ПЛЕН

Командиром группы был назначен старший лейтенант Авдеев, веселый двадцатилетний парень с непокорной русой челкой. Про него поговаривали, что его отец был видным военачальником, репрессированным в тридцать четвертом. Так что свое детство Авдеев провел среди таких же осиротевших детей. Другой на его месте возненавидел бы Советскую власть и еще в сорок первом перешел бы на сторону немцев, а он так и лез под пули, чтобы своей невероятной храбростью реабилитировать память отца, сгинувшего где-то в глубоком угольном карьере под Воркутой.

Выползли на нейтральную территорию – самое скверное место! Потому что лупят по нему со всех сторон и свои, и чужие. Был бы верующим, обязательно поставил бы свечу во спасение, а так приходится ползти наудачу и надеяться, что пуля для тебя еще не отлита.

Ярко вспыхнула ракета, болезненно ударив безжизненным белым светом по глазам. Со змеиным шипением проворно забралась под купол небесной тьмы. Вот замерла на несколько секунд в самом зените, подвешенная на крохотном парашюте, и, осветив окрестность, начала медленно падать, постепенно угасая.

Бойцы, вжавшись в землю, затаились. На какие-то минуты Петру Комарову захотелось превратиться в придорожный камень, в комок глины, слиться с земной поверхностью, стать сухой травой, что несуразно торчит на проталинах.

Уф, кажись, пронесло!

На поле вновь легла спасительная темнота. Комаров готов был поклясться, что услышал, как над полем прозвучал вздох облегчения, – то же самое, что и он, чувствовали и остальные разведчики. Отдышались малость, а теперь вперед.

Путь разведгруппе преграждало несколько серых глыб, неряшливо припорошенных слежавшимся снегом, а немного сбоку еще несколько бугров. Вот один из них чуть колыхнулся, и Комаров отчетливо увидел поднятую ладонь – старший лейтенант торопил двигаться вперед.

Метрах в пятидесяти находился небольшой распадок, заросший колючим можжевельником. Узким изогнутым коридором он вводил за позиции немцев, и для всех оставалось загадкой, почему фрицы до сих пор не перегородили этот овражек колючей проволокой.

А может, они считали, что этот участок поля заминирован?

Первым в распадок скользнул командир. За ним, выждав секунд десять, проползли и остальные. Комаров двинулся последним. Этот участок дороги он помнил, как свою собственную ладонь. Сначала будут небольшие занозистые кусты, запросто рвущие одежду, но после первых тридцати метров с правой стороны появится небольшое углубление в откосе оврага, вот в нем можно и отсидеться.

– Не отставать! – негромко приказал Авдеев.

Ползти еще минут пятнадцать. Вряд ли будет много времени, чтобы оглядываться по сторонам. Тут, самое главное, не ободрать лицо о торчащее отовсюду рваное железо. Так что раньше чем через полчаса его не хватятся, а за это время он окажется очень далеко.

Прямо перед Комаровым, распластавшись на неровной земле ящерицей, полз двадцатидвухлетний сержант, которого месяц назад перевели к ним из штрафбата. Подвижный и ловкий, он умело лавировал между кустами и торчащими из земли железками и был естественной составляющей окружающей местности. Смелый до отчаянного безрассудства, он бесстрашно лез в самое пекло, а однажды просто из какого-то безумного озорства просидел на бруствере перед позициями немцев пятнадцать минут. Такой парень способен доставить противнику немало неприятностей.

Когда подошвы сапог сержанта растворились в ночи, Комаров приподнялся и юркнул в углубление. Затаившись в темной норе, ждал – не последует ли кто за ним. Тихо, ни шороха, ни чужого дыхания. Отдышавшись, чутко прислушался. Где-то далеко застрекотала пулеметная очередь, в ответ ей коротко и лениво рывкнул миномет. В состоявшейся перебранке не было ни злобы, ни азарта. Просто некоторая необходимость военного бремени – надо, так постреляем. Этот поединок напомнил Комарову переругивание деревенских псов, сидящих за высокими заборами. Вот один забрехал, давая понять, что сторож не дремлет, а ему в ответ, совсем не враждебно, а больше чтобы поддержать установленный порядок, звучит ответный лай, как бы тем самым предупреждая: «Бойся, неведомый злодей, охрана начеку!»

С немецкой стороны пролетел снаряд и разорвался где-то на нейтральной полосе перед первой линией окопов. Это уже посерьезнее, теперь надо ждать ответного выпада.

Не прошло и двух минут, как со стороны русских позиций открыли беглый артиллерийский огонь, заставив умолкнуть пулеметные трещотки.

Но опять-таки, в этой стрельбе отсутствовал должный кураж, не было и ярости, столь свойственной при атаке. Неведомый стрелок как бы утверждал: «Время позднее, вот переждем ночь, а там и повоюем».

Выждав минут пятнадцать, Комаров поднялся вверх по склону. Если судить по карте, то это разветвление оврага должно вывести его на немецкие позиции.

Было еще темно, но на горизонте узкой полоской уже пробился свет. Скоро совсем рассветет. Надо спешить.

Петр отшвырнул автомат, вытащил из кармана листовку, служившую пропуском на немецкие позиции, и, встав во весь рост, направился в сторону немецких укреплений. Он прошел уже метров триста, оставив позади два блиндажа, но его никто не окликнул. Где-то за спиной раздавалась гортанная немецкая речь, а впереди кто-то тоскливо наяривал на губной гармошке.

Первый немец, которого он встретил на своем пути, был худощавый солдат в очках с вытянутой физиономией (обычно именно такими рисовали немцев на пропагандистских листовках). С ведром в руке и без оружия он был весьма удачной добычей для разведчиков. Типичный «язык».

Застыв не то от страха, не то от удивления, он во все глаза смотрел на русского офицера, появившегося неведь откуда. Подняв руки, Комаров помахал над головой листовкой и, тщательно подбирая немецкие слова, сказал:

– Я – сын царского полковника. Я пришел сдаться в плен.

Оцепенение с немца сошло сразу, как только Комаров произнес последнюю фразу. Немец что-то быстро затараторил, помахивая пустым ведром, и тотчас на его оклик выскочило несколько пехотинцев с автоматами. Глядя на обступивших его фрицев, Комаров продолжал держать руки над головой и, помахивая листком, как белым флагом, продолжал говорить, стараясь как можно более четко выговаривать каждое слово:

– Я – сын полковника царской армии. Я пришел, чтобы сдаться в плен. Отведите меня к вашему командованию. Эта листовка является пропуском на ваши позиции.

Ефрейтор, стоявший рядом, осторожно, словно опасался какого-то подвоха со стороны русского солдата, вытянул у него из пальцев листовку, внимательно вчитался, после чего расслабленно кивнул:

– Гут!

Глава 6

РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫЙ ОТДЕЛ

Пошел второй год, как майор Томас Макс возглавил разведывательный отдел немецкой Восемнадцатой армии, дислоцировавшейся под Санкт-Петербургом. Дело знакомое, аналогичную работу ему приходилось выполнять в Греции. В то время ему казалось, что от греческих партизан не будет спасения, теперь он вспоминал о них как о мелких баловниках и осознавал, что служба в Греции была едва ли не самым лучшим периодом в его жизни. Море, вино, доступные женщины, возможность прекрасно провести время в свободные часы остались в прошлом. Здесь, на Восточном фронте, расслабляться было преступно, да и работы было не в пример больше. Приходилось допрашивать военнопленных, добывать новые данные о противнике, производить среди них отбор для дальнейшей работы с ними, полученные данные наносить на оперативную карту, пресекать возможную измену и дезертирство в немецких частях. А еще к этому нужно прибавить проведение обычных занятий с солдатами на тему, как следует относиться к местному населению и военнопленным.

А кроме того, существовали и служебные трения, которые нельзя обойти, когда на одном полигоне пасутся сразу несколько разведок, зачастую просто дублирующих работу друг друга. Неделю назад он нажил себе очень сильного врага из команды абвера-3. Данная служба по отношению к разведотделу всегда занимала подчиненное положение, но молодой офицер отчего-то возомнил себя едва ли не куратором отдела, и поэтому его пришлось поставить на место. И в довольно резких тонах. Но неприятность заключалась в том, что этот офицер пожаловался в штаб войсковой разведки, у которой всегда были сильные позиции в Берлине, так что следовало ждать неприятностей со дня на день.

Сейчас же ничего более не оставалось, как продолжать службу. Особое отношение следовало уделять перебежчикам: весьма хороший материал для информации. После допроса их отправляли в немецкий тыл для дальнейшей работы. Однако по-настоящему способных для разведки людей среди них было крайне мало. Таких приходилось тщательно выискивать, а потому едва ли не еженедельно Томас Макс разъезжал по пунктам сбора военнопленных и лично беседовал с возможными кандидатами, при этом не забывал просматривать донесения переводчиков, которые, по сути, были главными вербовщиками разведывательного отдела.

В этот раз на столе майора лежало восемь дел, дела шести рядовых и двух офицеров. Предпочтение всегда отдавалось командному составу в силу того, что офицеры, как правило, владели информацией, столь необходимой в оперативных условиях. С каждым из них уже успел побеседовать начальник разведывательного отдела Седьмой дивизии лейтенант Карл Шульц, одновременно являвшийся заместителем Макса. Весьма неглупый парень, к его мнению следовало прислушаться. Одного из перебежчиков, некоего Комарова Петра, он выделил особо. Что примечательно, именно на этого Комарова как на весьма перспективный материал для дальнейшей работы указала также тайная полевая полиция. А ведь они допрашивают перебежчиков в первый же час, и именно на их донесениях в отделе зачастую строят всю дальнейшую работу.

Весьма редкое единодушие, и оно настораживало. Правда, Карл Шульц, обладавший острым оперативным чутьем, отмечал, что показания Комарова следовало бы перепроверить, уж слишком самоуверенно тот держался на допросах.

В зоне действия советской Восьмой гвардейской дивизии у майора Томаса Макса работал весьма перспективный агент, заброшенный сюда еще задолго до боевых действий. В поселке, где он обосновался и работал на железной дороге, его принимали за своего человека. Пусть проверит, действительно ли Петр Комаров тот, за кого выдает себя.

Томас Макс достал ручку и быстро написал на листке бумаги: «Леснику. Навести справки о перебежчике из Восьмой гвардейской дивизии Петре Комарове. Выдает себя за сына полковника царской армии. Доктор».

Позвав адъютанта, протянул ему листки и коротко распорядился:

– В шифровальный отдел.

Глава 7

СОРТИРОВОЧНЫЙ ЛАГЕРЬ

Сборные пункты представляли собой сущее столпотворение: военнопленные разных возрастов, национальностей, вероисповедания, по-разному относящиеся к существующему порядку. Скученность была невероятная, невозможно было пройти, чтобы на кого-то не наступить. О гигиене говорить не приходилось, ее просто не существовало. Туалетом служил небольшой пятачок в углу зоны. Невозможно было подумать без отвращения о том, какое поднимется зловоние недели через две, когда солнце, окрепнув, оседлает отступающую зиму.

Отсутствовали бараки, в которых можно было бы укрыться от непогоды, на всей территории стояло только одно двухэтажное здание из темно-серого кирпича, на первом этаже которого размещалась караульная рота, а вот на втором, со сводчатыми окнами и ажурными решетками на них, располагалась администрация лагеря. Причем начальник лагеря, не желая замечать хаоса, развернувшегося у него перед глазами, выписал из Германии даже свою семью. Малолетние отпрыски, не смущаясь присутствия военнопленных, носились вдоль колючих ограждений, играя гильзами и прочим военным скарбом.

От холода Комарова спасала лишь тесная нора, вырытая кем-то из его предшественников. Он забился в нее с двумя такими же бедолагами, они спасали друг друга от стужи теплом своих исхудавших тел.

Ночью передвигаться по лагерю не следовало. Караул, засевший на вышках, стрелял из пулемета по любой двигающейся фигуре.

Через два месяца Комарова перевели в пересыльный лагерь. Там его встретила все та же скученность, но вот паек здесь был посытнее на целую рыбку голову.

Затем сортировочный лагерь, еще одна ступень вверх в иерархии военнопленных. Он размещался на окраине большого села, одной стороной колючие ограждения упирались в хвойный лес, неприветливый и темный, а другой уходили к веселой речушке, мелкой и каменистой.

В первый же час пребывания в сортировочном лагере на Комарова завели учетную регистрационную карту, в которую записали место его пленения, состояние здоровья, приметы, для чего-то внесли в карту даже девичью фамилию матери. Затем сделали фотографию и дактилоскопический отпечаток указательного пальца.

Что самое странное, никакого разговора о его возможной работе на немецкую разведку не велось. Но глупо было бы считать, что о нем позабыли. Несколько раз Петр ловил на себе заинтересованные взгляды немецких офицеров, а старшина барака, дружески похлопывая по плечу, угощал его немецкими сигаретами, порой давал галеты.

Немцы – мастера вербовки, и обычно она начинается именно с таких мелочей, неприметных на первый взгляд.

В сортировочном лагере находилось человек восемьсот. Все пленные были разбиты на роты по национальностям и проживали в изолированных бараках. Перемещение по лагерю было строго ограничено. Режим был отлажен с немецкой педантичностью, умеющей учитывать всякую мелочь.

На окраине лагеря стоял отдельный барак для латышей (уж их-то никак к военнопленным не отнесешь), поговаривали, что через две недели они должны покинуть лагерь и влиться в соединение «Бранденбург-800». По сравнению с другими лагерниками они держались сплоченно и чувствовали себя за колючей проволокой, как у себя на хуторе. Даже похлебка у них была иной: Комаров видел, как в варево им подбрасывали мясо.

Соседом по нарам у Комарова оказался мужчина лет тридцати пяти. Представился он Гаврилой Варфоломеевым. Немногословный, с прямым взглядом, он умел внушить к себе ува-

жение. Но более-менее дружеские отношения между ними завязались не сразу. Новый знакомый, приглядываясь к Комарову, поначалу неохотно говорил с ним, осторожно приглядывался.

Удивляться его недоверчивости не приходилось – лагерь был набит стукачами. У каждого пропагандиста, полицейского и начальника имелось с десятков осведомителей, которые докладывали о каждом слове лагерников. Потому-то дружбу пленные заводить не спешили, понимая, что каждое произнесенное слово доводится до сведения начальника лагеря. А уж тот умеет делать выводы. Неделю назад трое лагерников в частной беседе опрометчиво проговорились о том, что в третьем колене имели среди родственников евреев. А уже утром их вызвали из строя, посадили в крытый грузовик и увезли.

Больше их не видели.

Как позже выяснилось, новый знакомый Комарова был типичный хиви (в переводе с немецкого что-то вроде «добровольного помощника»). Работая шофером, Варфоломеев объездил весь север Германии, но после каких-то причуд судьбы был отправлен в сортировочный лагерь.

Здесь же в лагере жили и разжалованные полицаи, занимавшие два больших барака. Публика малоприятная, состоящая в основном из уголовников и бывших белогвардейцев, у которых были собственные счета с Советской властью. Всех их называли оди, что означало – «полицейская служба».

Но самыми привилегированными были шума – «личный состав обороны». Прежде они принимали участие в карательных экспедициях. Жестокость была написана даже на их лицах, а потому с ними предпочитали не ссориться. Шума содержались отдельно от остальных – за двумя поясами колючей проволоки, с ними можно было пересечься только во время приема пищи. Но даже здесь для шума делалось исключение – их запускали первыми. Всем остальным приходилось терпеливо дожидаться у входа в столовую, пока наконец первые не съедят свою пайку.

Хиви не самая почитаемая каста в лагере. Кому-то надо драить полы и чистить туалеты, а лучше, чем добровольный помощник, этого никто не сделает. Варфоломееву еще повезло – умеет крутить баранку, чинить мотор. А большей части хиви приходилось быть на посылках у немецких солдат и убирать их казармы.

Первое слово было обронено только на четвертый день соседства, когда они успели насмотреться друг на друга и осознать, что от соседа угрозы не исходит. Но даже через месяц общения Петр Комаров знал о своем соседе немного. Родом Гаврила был из Москвы, шоферил где-то в автоколонне. Женат. Правда, детьми не успел обзавестись. Выставлять напоказ душу в лагере было не принято, иное дело, если вопросы будут задавать в администрации.

Жизнь в бараке замирала в десять часов вечера, а потому времени было достаточно, чтобы пообщаться после отбоя. На соседних нарах покашливал Гаврила. Спать не хотелось.

– Знаешь, почему я перешел к немцам? – вдруг неожиданно спросил Варфоломеев.

– Почему?

– А потому что в плен попал! Куда деваться! – несколько повышенным тоном заявил он.

– Тише ты!

Комаров невольно обернулся на соседние нары, на которых тихо посапывал здоровенный хохол. Кажется, он ничего не слышал, но Гаврила очень рисковал, отважившись на подобное признание. Стукачу можно было бы заработать дополнительное очко и благодарственную запись в личное дело, стоило только ему заявиться с подобным сообщением к начальнику лагеря. На Варфоломееве можно было бы смело ставить крест – его тотчас переведут куда-нибудь в штрафной лагерь, откуда уже никогда не будет выхода.

Весь вопрос заключался в том, что Гаврила Варфоломеев был хиви, что подразумевало искреннюю, а главное, исключительно добровольную помощь рейху. А тут он признавался в

том, что не сам сдался, а был захвачен в плен, а следовательно, автоматически терял предоставленные хиви преимущества.

– А чего мне оставалось делать? – прошептал он. – Не помирать ведь! Пришлось соврать, что ушел добровольно. Ладно, что особенно не копали. Вот что я тебе скажу: будь немцы поумнее да погибче, они бы выстроили свою политику по отношению к нам куда правильнее. Вот, скажем, взять хотя бы меня. Я у них в хиви был, но прежде чем до руля меня допустили, пришлось не один сортир вычистить. А моего согласия они спросили? Может, я не привык к тому, чтобы за кем-то дерьмо убирать! За быдло они нас держат! – вновь закашлялся Варфоломеев. Кашель был сухой, явно с легкими у него было не все в порядке.

– Так ты против немцев, что ли? – удивился Комаров.

Посмотрев по сторонам, Варфоломеев скривился:

– Не то чтобы против. Здесь тебе никто не скажет, что у него на душе. Никому верить здесь нельзя. Но политика немцев мне не нравится. Взять хотя бы Советский Союз. Что они хотят с ним сделать? Развалить его на части! Создают какие-то национальные формирования, которые только тем и занимаются, что режут русский народ. Я тут разговаривал с одним нацменом, – скрипнул он зубами. – Говорю ему, зачем ты мирных женщин-то убивал? И знаешь, что он мне ответил? Мол, чем больше мы убьем русских женщин, тем меньше они нарожают детей. Немцы обещают им независимость, так они тут же формируют свои правительства, а только они до этого еще не доросли! Сначала цивилизованными нужно стать.

По ходу разговора следовало бы поддакнуть, но Комаров воздержался, неопределенно хмыкнув. Разговор становился трудным. Гаврилу опасно было даже слушать, и по уставу лагеря о содержании разговора он обязан был немедленно доложить начальству.

– Вот скажи мне, для чего они хотят развалить Советский Союз? – Комаров только неопределенно пожал плечами. – А чтобы легче было прикарманить огромные территории России с ее немалыми ресурсами. А остальные и рады, думают, что независимость получат. А вот хрен им в дышло! – несколько громче сказал Варфоломеев и показал кукиш. Хохол, лежавший на соседних нарах, примолк. Поворочался малость, да и опять засопел. – Никакой независимости им не достанется. Немцы на них такое ярмо повесят, что им останется только ассенизаторами служить у чистокровных арийцев. – Варфоломеев говорил зло, нервно, трудно было поверить, что так может рассуждать обыкновенный хиви. – При Сталине, конечно, это не жизнь. – Он вдруг умолк, было видно, что ему есть чего вспомнить. – Насмотрелся я на них, – зло процедил он сквозь зубы. – Вот что тебе хочу сказать: нам с Гитлером по пути до тех самых пор, пока Сталина не свалим. А потом мы по другой дороге пойдем. С тех земель, которые он себе прибрал, мы обязательно его вытурим! Устроим свое государство без коммунистов. А то ведь они дышать не дают!

Петр слушал Варфоломеева затаив дыхание – за одни только эти слова им могла бы серьезно заинтересоваться разведка СД.

А уж она умеет выкручивать руки.

– Ты обрати внимание, что немцы делают? – откашлялся Гаврила в кулак. – Создают национальные формирования. Возьми хотя бы батальон «Бергман». Кто в нем служит? Грузины, азербайджанцы, выходцы с Северного Кавказа. Немцы составляют только командный состав. И куда потом отправляют это формирование? В Россию! С которой их ничего не связывает. Позверствовали на чужой территории и возвращаются на базу отдыхать. – Варфоломеев закашлялся. В какой-то момент Комарову показалось, что кашель его задушит, но ничего, откашлялся – и вновь с жаром заговорил: – А легион крымских татар! А эстонская дивизия! А легионы украинских националистов! Немцы даже не своими руками хотят задушить Россию, а руками вот этих самых отщепенцев!

– Мне кажется, что ты о себе чего-то недоговариваешь. Непростой ты мужик.

– А может, я и в самом деле непростой, – вздохнул Гаврила неопределенно.

– А ты не боишься, что я тебя сдам? – спросил Комаров. – Здесь ведь агентов через одного. Каждый хочет жить, а потому выслуживаются. Это не Россия, тебя здесь могут сдать с потрохами только за одно «доброе» слово от старосты барака.

– Ты не сдашь! – уверенно ответил Варфоломеев. – Или тогда я в людях совершенно ничего не понимаю.

– Для обычного шофера ты необыкновенно здраво рассуждаешь, – усомнился Комаров. – Давай я тебе кипятка принесу, что-то кашель у тебя какой-то нехороший.

– Вот за это спасибо, а то меня всего колотит.

Комаров налил из бака кипятку и принес его Варфоломееву. Тот пил крохотными глотками, наслаждаясь теплом.

– Ладно, давай спать, – отставил он кружку. – Уверен, что утром несколько человек доложат старосте, что мы с тобой шушукались до полуночи.

Следующий день начался, как и обычно, с подъема в шесть часов утра. После Комарова вызвал к себе начальник лагеря штурмбаннфюрер Хофмайер.

Черная эсэсовская форма необыкновенно шла к его долговязой фигуре. Он был молод (не более тридцати лет), хорош собой и наверняка нравился женщинам. По тому, как он разговаривал, было понятно, что он получил хорошее образование. В его кабинете стоял старинный рояль, конечно же, не для мебели, – Комаров не однажды слышал, как из корпуса раздаются чарующие звуки вальса. Поговаривали, что родом начальник лагеря был из Австрии, родился в семье иммигрантов, выехавших из России еще до революции. Вот отсюда и безупречное знание русского языка.

Оказавшись в кабинете начальника лагеря, Комаров вытянул руки по швам, как и требовал устав, приподнял голову. Позади, с дубинкой в руках, застыл рыжий конопатый эстонец из лагерной полиции.

– О чем с вами говорил Варфоломеев? – спросил штурмбаннфюрер.

Лагерь был сборный, подавляющее большинство содержащихся здесь пленных согласились служить немцам добровольно, но отчего-то полицейские расхаживали по территории лагеря с дубинами и немилосердно охаживали каждого, кто, на их взгляд, не поприветствовал их должным образом.

Пожав плечами, Комаров сказал:

– О пустяках... Говорил про родителей, которые остались в Москве. Очень жалел, что не успел обзавестись детьми, а теперь уже не до этого.

– Он выражал свои политические взгляды? – допытывался Хофмайер.

– Говорил, что Сталин ведет Россию в тупик. Что Советскому Союзу конец. Что Советы не продержатся и года. – Пожав плечами, Петр добавил: – Об этом все у нас говорят.

Штурмбаннфюрер очень любил свою форму. Сидя за столом, он то и дело посматривал на безукоризненно черные рукава. У канта оказалась какая-то крохотная соринка. Взяв ее двумя пальцами, он сдунул ее, после чего спросил:

– О чем вы еще разговаривали?

– Варфоломеев очень хотел бы вернуться в свою часть, чтобы помочь вермахту в победе над Сталиным.

Сухощавый, высокий, с густыми волосами, начальник лагеря напоминал мифологического арийца, какими их изображали художники рейха. Но держался он просто, вежливо обращаясь к военнопленному на «вы».

– Велись ли разговоры о евреях?

– Никак нет, господин штурмбаннфюрер.

По тому, как сузились глаза Хофмайера, Комаров догадался, что их разговором тот не удовлетворен.

– Почему же вы тогда так поздно уснули?

– Варфоломеев заболел, кашлял сильно, я ему кипятка приносил. Вы бы посмотрели, что с человеком, а то ведь загнуться может.

– Не беспокойтесь, мы уже давно за ним присматриваем. Кажется, вы добровольно сдались в плен?

– Точно так, господин штурмбаннфюрер.

– И чем же вас не устраивала Советская власть? – Тонкие красивые губы Хофмайера брезгливо дернулись. – Она ведь вас воспитала, растила, кормила, поила. А вы решили ее бросить. Некрасиво!

– Лучше бы меня воспитывал кто-нибудь другой, – хмуро заметил Комаров. – Я пострадал от Советской власти. Мой отец – царский полковник, вот поэтому я всю жизнь терплю несправедливость.

– Вы ведь учились в школе? – неожиданно спросил начальник лагеря.

Настоящая фамилия Хофмайера была Смысловский, – но он, как и многие неарийцы, предпочел иметь немецкие имя и фамилию.

– Приходилось, – чуть смешавшись, ответил Комаров.

– А разве вас советская школа не учила тому, что мать бросать нехорошо? – с укором спросил Хофмайер.

– О чем это вы? – нервно сглотнув, спросил Петр.

Он услышал за спиной легкое поскрипывание половицы. Ему даже показалось, что в этот самый момент полицейский, стоящий за его спиной, примеривается к нему дубинкой. Но удара не последовало.

– А вот о чем. На допросе в полевой полиции вы утверждали, что вы сын полковника царской армии. Однако мы навели о вас справки. – Он поднял шифрограмму, переданную ему Томасом Максом, и продолжил: – Так вот, вы не сын полковника царской армии. У вас самое обычное происхождение, так сказать, рабоче-крестьянское. Настоящая ваша фамилия – Таврин. Что вы на это скажете?

Вот она, фильтрация. Началось! После двух месяцев вынужденного безделья и ежедневного промывания мозгов немецкой пропагандой невольно возникает ощущение, что ты никому не нужен, что о тебе позабыли, но в действительности это не так, и каждый твой шаг четко контролируется и фиксируется десятками агентов-лагерников. А слова, пусть даже произнесенные невпопад, тщательно фиксируются и подшиваются в личное дело.

Несколько дней назад, вот после такой милой беседы с начальником лагеря, во двор вывели двух военнопленных и расстреляли перед строем, предварительно объявив, что они являются агентами русской разведки.

Смущенно улыбнувшись, Комаров сказал:

– Верно, я не сын полковника... Боялся, что со мной разбираться не будут и сразу же расстреляют. О тайной полиции я тоже слышан. А царских офицеров немцы уважают.

– А может, здесь совсем другое? Сын царского полковника – это определенная гарантия благонадежности, так сказать, почти готовый материал для вербовки. На него даже не нужно тратить время пропагандистам, остается только загрузить полезными знаниями и навыками и отправить в тыл к русским осуществлять диверсии. Весьма неплохая легенда для русского шпиона!

– Господин штурмбаннфюрер, неужели вы думаете, что я русский шпион! – подался вперед Комаров и тут же получил ощутимый удар дубинкой по плечу. Как же он мог забыть об эстонце, стоящем за спиной!

– Ладно, об этом мы еще поговорим... Сколько времени вы находились на фронте?

– С полгода будет, – доложил Комаров.

– Это срок. Почему же вы не перешли на нашу сторону раньше, если так не любите Советскую власть?

– Даже не знаю, как начать...

– Как есть.

– Поверите ли... – заметно волнуясь, замялся Комаров.

– Мы должны не только верить, но еще и проверять сказанное. Работа у нас такая. И так, о чем пойдет речь? – поторопил Хофмайер. – Слушаю!

– Мне пришлось трижды сидеть при Советах. Я испытывал гонения.

– За что же вас сажали? Обычная уголовщина?

– Не совсем... Я работал бухгалтером, была кое-какая растрата на производстве.

– И каждый раз вы сидели за растрату?

– Точно так. У меня это лучше всего получается.

– А может, у вас просто любовь к деньгам, господин Комаров? Кхм... И это вы называете гонениями? В каком городе, на каком предприятии вы работали в последний раз? – сухо поинтересовался штурмбаннфюрер и, махнув рукой, велел выйти стоящему в дверях эстонцу. Серьезный разговор свидетелей не терпит.

Эстонец молча вышел.

– Последний раз в Ростове, на заводе «Электроприбор».

Штурмбаннфюрер ничего не записывал, очевидно, где-то рядышком бобины наматывали магнитную пленку, фиксируя каждое слово.

– В каком году это было?

– В тридцать восьмом.

– Когда вас посадили в первый раз?

– Первый раз меня посадили в тридцать четвертом. Просидел недолго – сбежал!

– Похвально. Для разведчика это подходящее качество. Что было дальше?

– Потом посадили в тридцать седьмом, но попал под амнистию. Затем посадили уже перед самой войной. Дали пятнадцать лет. Когда мы пошли в баню, то я разобрал часть стены и опять сбежал. Потом раздобыл документы на имя Петра Ивановича Комарова. Так и жил по ним, пока меня не призвали в армию. Признаюсь, может быть, и дальше бы служил, но встретил на позиции своего соседа по дому. Он меня знал еще под настоящей фамилией... Когда мне сказали, что я должен явиться в особый отдел, то я сбежал к вам. Чего же так просто подышать-то!

Хофмайер выглядел задумчивым.

– Тоже верно... Какая же в таком случае ваша настоящая фамилия?

– Таврин.

– Мы проверим все, что вы нам сказали. Вы готовы помочь рейху в победе?

– Разве у меня есть выбор?

– Тоже верно. А теперь садитесь за стол. – Комаров сел. – Вот вам чистый лист бумаги. Ручка. Пишите.

– Что писать? – удивленно посмотрел Комаров на начальника лагеря.

– А писать, друг вы мой любезный, нужно исключительно только правду. Я, Петр Иванович Таврин, добровольно сдался в плен воинскому немецкому соединению номер триста восемнадцать. Успеваете? – заботливо поинтересовался Хофмайер.

– Так точно, господин штурмбаннфюрер! – с готовностью отозвался Петр.

– Для того чтобы воевать рука об руку... – улынувшись, Хофмайер добавил: – Наше руководство любит всякие образы... с немецкими солдатами против Советов и Сталина. Хотел бы продолжить свою учебу в одной из диверсионных школ на территории Германии. В конце этой фразы желательно поставить восклицательный знак. А слова «диверсионная школа» не помешает подчеркнуть двумя жирными линиями. Для вас это ровным счетом ничего не значит,

а наше руководство всегда подмечает подобные мелочи. Так что, когда мы с вами встретимся после победы, вы мне еще спасибо скажете. Написали?

– Да.

– Можно добавить что-нибудь от себя. Сделать какое-нибудь заявление. Будет считаться, что это порыв вашей души. Ну, например, готов давить советскую гадину всюду, где бы я ее ни встретил.

Подняв глаза, Комаров напоролся на острый взгляд начальника лагеря.

– Так и напишу, господин штурмбаннфюрер! – Петр склонился над листком бумаги.

– Распишитесь и поставьте дату.

Комаров размахисто расписался.

Вытянув у него листок бумаги, Хофмайер удовлетворенно кивнул:

– Вот теперь полный порядок. У вас блестящие перспективы, господин Комаров, – широко улыбаясь, сказал он.

– А что будет дальше?

– А дальше, если вы действительно тот, за кого вы себя выдаете... Принесете присягу на верность фюреру и вермахту, и вас ожидает сытая жизнь немецкого солдата! – Хофмайер вложил листок бумаги в довольно пухлую пупку. – Это ваше досье. – Комаров едва удержался от возгласа удивления: «Интересно, что они там понаписали про меня!» – В какой бы лагерь вы ни направлялись, оно всегда будет следовать за вами.

– Так, значит, меня скоро переведут в другой лагерь?

– Некоторое время вам придется еще побыть здесь. А вот дальше действительно последует перевод. Но вот куда – это военная тайна, – хитро сощурился Хофмайер. – Можете идти.

Когда за Комаровым закрылась дверь, штурмбаннфюрер быстро написал на листке бумаги: «В отдел ИЦ майору Томасу Максусу. Прошу проверить, действительно ли Петр Комаров (Таврин) работал бухгалтером в 1938 г. на заводе „Электроприбор“ в Ростове. Штурмбаннфюрер Хофмайер».

Глава 8

СЕПАРАТНЫЙ ДОГОВОР

Несмотря на прохладу, начальник управления стратегических служб генерал-майор Донован вышел из Капитолия в одном легком сером пиджаке. Весьма легкомысленный поступок для марта. Даллес, дожидавшийся его на выходе, был одет по сезону – длинное пальто из толстого драпа, на голове фетровая шляпа, а чтобы грудь не остудил сильный промозглый ветер – теплый меховой шарф.

Поначалу Даллес подумал, что Донован решил пригласить его в Капитолий, чтобы продолжить беседу в теплом кабинете, но тот неожиданно повел его в сторону парка, не замечая порывистого ветра, размашисто хлеставшего по лицу.

Заложив руки за спину, некоторое время они шли молча, совершенно не замечая непогоды. Неожиданно Донован резко развернулся:

– Вы, кажется, встречались с Гитлером?

Весьма неожиданное начало. Кому же об этом знать, как не самому начальнику стратегических служб?

В 1926 году Аллен Даллес уволился с государственной службы и перешел в преуспевающую контору на Уолл-стрит. Но это совершенно не означало, что он находился вне государства, все это время он выполнял поручения правительственных кругов США, которые использовали его обширные связи в европейских банках и в инвестиционных компаниях. А с Гитлером он встречался в апреле 1933 года, опять же по просьбе Министерства иностранных дел. Ведь дипломатам весьма важно знать, с кем в ближайшие годы им придется вести переговоры. Именно для этих целей на основании наблюдений многих людей составляется психологический портрет политического лидера. В дальнейшем это очень помогает дипломатам выработать подобающую линию поведения.

Аллен Даллес составил тогда первую докладную записку о встрече с Гитлером, щедро поделившись своими личными впечатлениями, которые впоследствии были прочитаны первыми лицами государства, тщательно проанализированы, после чего материалы были подшиты в папку «Адольф Гитлер» и сданы на хранение в секретный отдел Капитолия.

– Да, это было одиннадцать лет назад.

– И как вам показался Гитлер?

– Хм... Я уже писал об этом в своей докладной.

– С докладной я знаком, меня интересуют, как бы это выразиться поточнее, ваши интонации.

– Ну, если так... Вопрос непростой. Но что именно вас интересует: Гитлер как человек или как государственный деятель? – уточнил Даллес, посмотрев в строгое лицо начальника управления.

– О том, какой он политик, в последнее время сказано довольно много. Меня больше интересуют его человеческие качества. Скажем так... какой он в быту?

– Ну-у, – замаялся Даллес, – боюсь, что мой ответ вас может шокировать.

Донован улыбнулся:

– Ничего, я привычный.

– Ну, хорошо. Гитлер-политик и Гитлер-человек – это совершенно два разных типа. Я бы даже сказал, что они в некотором смысле – антиподы. Гитлер-политик, бескомпромиссный, недоверчивый, безжалостный, для которого целые народы служат всего лишь гумусом для его целей. Он верит в свое провидение и предназначение. У него невероятно сильная харизма, даже самые волевые люди в его присутствии теряются и попадают под влияние его личности.

Гитлер обладает невероятным даром убеждения, умеет воздействовать на толпу, и даже самый скептический ум не способен противостоять его напору и аргументам. Он считает себя гением, такого же мнения о нем все те, кто ежедневно находится с ним в контакте. Как человек... это уже сложнее. К своему ближайшему окружению он необычайно внимателен и добр. Окружающие платят ему тем же самым. Гитлер не переносит одиночества и предпочитает, чтобы рядом с ним постоянно кто-то находился. Даже обедает он в большой компании. За столом предпочитает непринужденные, ни к чему не обязывающие беседы. Любит над кем-нибудь подтрунивать и шутить. Но всегда это делает безобидно и по-доброму. Обожает животных, особенно собак, проводит с ними массу времени, а со щенками может возиться часами. Очень любит лично дрессировать собак, и это у него очень хорошо получается. Весьма внимателен и нежен к женщинам. Обожает свою Еву Браун...

– Вы нарисовали портрет милейшего человека, вот только это впечатление портят газовые камеры, в которых он сжигает бедных евреев. Вы ведь участвовали в переговорах в Стокгольме? – чуть понизив голос, спросил Донован.

Не было ничего удивительного в том, что разведки враждующих армий всегда пребывают в некоем контакте – находятся вопросы, которые легче решить через профессиональных разведчиков, нежели через военных и политиков.

Встреча в Стокгольме была как раз из числа тех, когда слово дают разведке.

Операция была секретная, о ней знал только самый узкий круг лиц, но Донован входил в число посвященных. На немецкую разведку вышла МИ-6 с предложением от английского правительства заключить с немцами перемирие, но главным условием соглашения являлась отставка Гитлера. Узнав об этом, Адольф Гитлер пришел в ярость и немедленно отозвал свою делегацию, запретив Риббентропу любые контакты с англичанами.

Даллес на секунду задумался, после чего ответил с милой улыбкой (кому надо, тот поймет):

– Я об этом ничего не знаю.

– Все правильно, другого ответа я от вас и не ожидал. Вы поступаете, как настоящий разведчик. Возможно, что последующего разговора не случилось бы, ответ вы по-другому. Что вы можете сказать о русской армии?

Донован всегда умел удивлять. Даллес старался не выглядеть обескураженным. На подобный вопрос сподручнее отвечать главам государств, руководителям дипломатических миссий или хотя бы командующим армиями. То есть всем тем, кто владеет полной информацией. А что может сказать он, рядовой разведчик и бывший дипломат?

В разговоре с высоким начальством важно не теряться от неожиданного вопроса и уметь быстро подобрать подходящий ответ:

– Я думаю, что русские сильны как никогда. Может быть, сейчас это самая лучшая армия в мире.

– Вы правильно считаете, – неожиданно легко согласился Донован. – И если их не остановить в ближайшее время, то они пройдут через всю Европу, как раскаленный нож сквозь масло. А нам это может очень неприятно аукнуться в будущем.

– Вы рассуждаете, как стратег.

– Такова историческая реальность.

Даллес чувствовал, что начинает мерзнуть, а Донован даже не пытался застегнуть пиджак, полы которого немилосердно трепал ветер. Скрестив руки на груди, он хитровато улыбался.

– Наша главная задача состоит в том, чтобы помешать дальнейшему усилению нашего потенциального врага. Война не будет продолжаться бесконечно, скоро она закончится. Русские, не считаясь с потерями, продолжают идти вперед. Возможно, вам мои слова могут показаться кощунственными или, по крайней мере, странными, но хочу заметить, что Америка и

Британия заинтересованы в сильной Германии. Во всяком случае, в Европе она будет хорошим сдерживающим фактором для русских солдат. На наш взгляд, было бы правильным не доводить войну до полного разгрома немцев, а остановить продвижение русских войск где-нибудь на границах с Германией.

– Но весь вопрос заключается в том, захотят ли этого русские? Насколько мне известно, они хотят «загнать зверя в его собственное логово». Во всяком случае, они так изъясняются.

– Я вас понимаю... Но ведь, кроме интересов Сталина, существуют еще интересы и планы других стран, и Россия с ними должна считаться. Вы согласны с этим?

– Безусловно.

– Так вот, мы должны помешать натиску русских. И вот теперь я хочу спросить у вас, на кого вы могли бы выйти из правительства Гитлера, с кем можно было бы вести серьезные переговоры?

– Я неплохо знаком с Риббентропом. Долгое время он проживал в Канаде. Имеет даже канадское гражданство, а в свое время даже играл в хоккей за сборную этой страны.

– Вот как? – удивился Донован. – Я об этом ничего не знал.

– Так что если оставить некоторые условности, то можно сказать, что он наш.

– А вот здесь вы ошибаетесь, – Донован покачал головой. – Риббентроп фанатично предан Гитлеру, совершенно не случайно, что он занимает пост министра иностранных дел Германии. Вы слышали о том, что на коронации английского короля в Лондоне Риббентроп приветствовал его «Хайль Гитлер»?

– Слышал, – сдержанно отозвался Даллес.

– Вот видите, а это о многом говорит. Нужно будет воспользоваться его фанатичностью и попробовать убедить его в том, что нужно устранить Сталина. Не будет Сталина, не будет войны. В России после его смерти будет сформировано новое правительство, с которым можно будет заключить мирное соглашение на выгодных для Германии условиях. А потом, весь советский режим держится только на одном человеке, на Дядюшке Джо! Не будет Сталина, не будет и Советского Союза. Риббентроп должен будет убедить свое руководство, что надо немедленно ликвидировать Сталина. Любой ценой.

– Они могут потребовать от нас каких-то уступок.

– Мы можем пообещать Риббентропу, что, как только Сталина не станет, Германия получит от нас безоговорочную политическую и финансовую поддержку, – кивнул он в сторону Белого дома. – Вы сумеете найти такого человека, который переговорил бы с Риббентропом?

– Думаю, что такой человек у меня есть, – уверенно кивнул Даллес. – А почему бы нам самим...

– И вот еще что, – перебил его Донован, – только не надо спрашивать у меня, почему нам самим не устранить бы Сталина. – Даллес едва заметно улыбнулся. – Это должны сделать немцы, чтобы как-то обелить себя перед историей. Это во-первых. А во-вторых, информацию такого рода невозможно долго держать в секрете, русские довольно быстро узнают о наших действиях, направленных против Сталина. Мне бы не хотелось детально вдаваться в эту тему, здесь слишком много подводных камней.

– Я вас понял...

– Но это только первая половина дела. Вторая заключается в том, чтобы устранить Гитлера. Не секрет, что в самой Германии уже давно зреет недовольство его политикой, найдутся и люди, которые будут способны его устранить. Важно только внушить им, что если Адольф Гитлер останется у власти, то никакого соглашения ни с американцами, ни тем более с англичанами у них не получится. После ликвидации Гитлера немцы немедленно должны будут создать правительство, с которым мы и будем впоследствии вести все переговоры, невзирая на протесты русских. Как вы думаете, с кем лучше вести переговоры по поводу устранения Гитлера?

А ведь Донован изрядно продрог: его лицо приобрело синюшный оттенок, а на шее проступила «гусиная кожа». Теперь Даллес понимал, почему тот не пригласил его к себе в рабочий кабинет, да и просто не пожелал обсуждать щекотливую тему в самом здании – опасался элементарного прослушивания. А здесь, на лужайке, вряд ли могут быть установлены микрофоны. Даже если предположить немыслимое, что они вмонтированы куда-нибудь в дорожки, то сильный ветер не позволит услышать содержание разговора. Так что ветер был их невольным союзником, да и в непогоду они вышли неспроста. Вот только непонятно, почему он не накинул на плечи пальтишко.

– Лучше всего на эту роль подходит Канарис, – уверенно ответил Даллес. – Я лично знаком с ним. И смею надеяться, что у нас установились хорошие отношения.

– Что он за человек?

– Фридрих-Вильгельм Канарис прирожденный разведчик, но при первой встрече не производит подобного впечатления. Канарис очень маленького роста, метр шестьдесят, щуплого телосложения, сухощав, с густой седой шевелюрой. Имеет скверную привычку отвечать вопросом на вопрос. Некоторых это просто бесит! Я бы даже сказал, что он патриот Германии и что совершенно точно противник нацистского режима. В абвере таких, как он, много. Кроме профессиональных качеств, он подбирает людей со взглядами, схожими с его взглядом.

– Хм... У нас есть информация, что именно из-за этих политических взглядов его скоро должны отправить в отставку.

– Даже если его отправят в отставку, он будет по-прежнему пользоваться должным авторитетом. В абвере немало людей, которые преданы лично ему. – Донована пробрало, подняв воротник пиджака и застегнувшись на все пуговицы, он внимательно слушал Даллеса. А ведь какую-то минуту назад казалось, что начальник управления стратегических служб неуязвим для непогоды. – Канарис не любит Гитлера и при встрече со мной сказал, что служит родине, а не какому-то отдельному человеку. Такие люди, как он, склонны к самопожертвованию во имя идеи. Если ему объяснить, что устранение Гитлера – благо для Германии и что после этой акции можно будет заключить мирное соглашение с союзниками, то, я думаю, он не станет отказываться.

– Что ж, замечательно. Я не возражаю против этой кандидатуры. Что-то похолодало, – пожегся Донован, – как бы меня совсем не продуло. Где вы хотите переговорить с Канарисом?

– Лучше всего сделать это в Италии, сейчас там находятся войска союзников.

– Десантирование англичан в Италии считается большим промахом абвера.

– Это не так. Нельзя упрекать Канариса в том, чему он сам же и способствовал. По его мнению, Италия не должна была воевать, она была втянута в войну Муссолини.

– Вы знаете и об этом? – удивленно посмотрел Донован на Даллеса.

– Да, сэр, Канарис всегда сочувствовал западным союзникам. После того как пал режим Муссолини, уже на четвертый день он встретился с шефом итальянской разведки и пообещал ему посодействовать в выходе Италии из войны. Как следствие этого обещания уже через два месяца англичане десантировались на юге Италии. Я даже полагаю, что англичане каким-то образом договорились с ним.

– Все так. Вижу, что вы осведомлены не хуже меня. И поэтому очень важно, чтобы с адмиралом Канарисом переговорили лично вы.

– Хорошо, сэр.

Кивнув на прощание, Донован быстрым шагом направился в сторону Белого дома.

Глава 9

ТАЙНЫ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ МИССИИ

Иоахим Риббентроп любил Стокгольм – холодный, величественный и не похожий ни на один из городов Европы. В каждый свой приезд он неизменно шел на Гамла, чтобы полюбоваться исторической частью города. То же самое он сделал и сейчас. Правда, в этот раз эстетические удовольствия он решил совместить с деловой встречей, которая должна была состояться у ратуши, величественного здания, выложенного из красного кирпича и стоящего на берегу залива.

У причала, несмотря на стылую непогоду, находились несколько рыбаков в длинных прорезиненных плащах и ловили рыбу. Везло только одному, стоящему у края, – с периодичностью в три минуты он вытаскивал рыбину, а остальные бросали в его сторону слегка завистливые и растерянные взгляды.

Остановившись неподалеку, Иоахим Риббентроп с интересом наблюдал за удачливым рыболовом. Поначалу он даже считал количество пойманной этим везунчиком рыбы, а потом сбился со счета.

Рыболов, молодой мужчина лет двадцати пяти, с невозмутимым лицом снимал рыбу с крючка и небрежно бросал ее в ведро.

Риббентроп специально вышел за полчаса до назначенной встречи, чтобы постоять на причале и понаблюдать за рыболовами. В душе он не разделял их страсть, но рыба, бившаяся на натянутой леске, выглядела отчего-то невероятно притягательно. В этом зрелище присутствовал какой-то рок, в который он верил, – как ты ни изворачивайся, а судьба твоя predetermined и быть тебе съеденным во время ужина.

– Иоахим, – услышал Риббентроп за спиной знакомый голос.

Повернувшись, он увидел крепкого высокого мужчину лет сорока пяти, одетого под стать непогоде – в длинный светло-серый плащ.

– Марк! – шагнул Риббентроп навстречу.

Рыболовы, стоящие на причале, даже не посмотрели в сторону этих мужчин. Не принято! А потом, каких только встреч не происходит в Стокгольме.

Обнявшись, они крепко потискали друг друга за плечи. Так радоваться встрече могут только старинные приятели.

– Сколько мы не виделись, Иоахим? – спросил мужчина, с интересом рассматривая Риббентропа. – Лет десять?

– Семь, – поправил его Риббентроп, – последняя наша встреча произошла в Вене. Ты тогда работал в американском дипломатическом корпусе.

– Я и сейчас там работаю.

– Но как тебе это удалось, ведь ты же канадец!

– Мой отец был американец. У меня двойное гражданство.

– Хм, что-то мне подсказывает, что это не основная твоя работа.

Марк махнул рукой:

– И не говори, Иоахим! В этом мире все так перемешалось, что даже не понять, где настоящее, а где фальшивое. Вот взять хотя бы тебя, ты имел все, чтобы стать великим игроком. Да и хоккей для тебя был не просто спорт, а настоящая жизнь! Когда мы вместе с тобой играли в хоккей, ты был лучшим нападающим. Тебе пророчили блестящее будущее! А потом ты неожиданно занялся другим делом.

Риббентроп расплылся в широкой доброжелательной улыбке. Воспоминания о молодости доставили ему радость.

– Я часто вспоминаю наши игры. У нас была сильная команда. Но ты не забывай, шел четырнадцатый год, начиналась Первая мировая война, Германия воевала, и я не мог остаться вдали от своей родины.

– Верно, не мог, ты на все сто процентов немец. Вот у меня, например, французские корни, но что происходит на моей прародине, честно говоря, меня мало волнует.

– Сорвалась! – кивнул Риббентроп в сторону причала.

– Что? – растерянно спросил Марк.

– Это я про того рыбака, что стоит на пристани. Вон, видишь, в желтом плаще. Таскает рыбу за рыбой! А тут сорвалась. Крупная была...

– Ничего, в следующий раз повезет, – сдержанно отозвался Марк. – Я слышал, что в Первую мировую ты хорошо воевал.

– Хорошо – это громко сказано. Я делал то, что и все остальные. Просто мне повезло больше, чем другим. Теперь я кавалер ордена Железного креста первой и второй степеней. – В голосе министра иностранных дел Германии прозвучала скрытая гордость.

– В то время просто так кресты не раздавали. Ты всегда был храбрецом. Вот и сейчас рядом с тобой я не вижу никакой охраны.

– В Стокгольме я приехал как частное лицо. Может быть, меня и охраняют, но мне об этом ничего не известно. Давай немного пройдемся.

– С удовольствием.

Некоторое время они шли молча. Прошли через мост и направились вдоль стен ратуши.

– Где ты сейчас служишь? – спросил Риббентроп. – Мне кажется, ты меня пригласил в Стокгольм не для того, чтобы говорить о пустяках. Ты из военной разведки?

– От тебя ничего не скроешь, – широко заулыбался Марк.

– Все очень просто, сейчас не так-то легко попасть в Стокгольм, а тебе это удалось. Значит, тебя поддерживают какие-то очень серьезные и заинтересованные силы. А такими силами в наше время может быть только военная разведка. А потом все эти плащи, шляпы, – Риббентроп слегка поморщился, – от тебя так и тянет шпионом.

Марк расхохотался.

– Но я работаю в дипломатической миссии.

– И это ты говоришь министру иностранных дел?! – удивился Риббентроп. – Восемьдесят процентов дипломатической миссии составляют профессиональные разведчики. Может, даже и больше.

– Что ж, это упрощает дело. Тогда я опускаю все условности и перехожу к главному: очень серьезные парни поручили мне сказать тебе, что мы не заинтересованы в полном разгроме Германии, как того хотят русские.

Риббентроп ощетинился:

– А с чего ты взял, что Германия будет разгромлена?

Марк невольно улыбнулся, узнав в министре иностранных дел Германии того самого хоккеиста-нападающего, с которым когда-то был очень дружен. Именно поэтому Даллес обратился с просьбой к нему, зная, как непросто Риббентропу будет отказать бывшему приятелю и коллеге по команде.

– Перестань, Иоахим. Германия выдохнется. У нее уже нет тех могучих ресурсов, какими она владела в самом начале войны. Если вам не удалось победить русских в сорок первом году, то как же вам победить их в сорок четвертом? Только ты не перебивай меня... Речь сейчас идет даже не об этом. Я знаю, что в Германии ты весьма влиятельная фигура, имеешь свободный доступ к Гитлеру, и он охотно прислушивается к твоему мнению...

– Не тяни, говори, что тебе надо!

– Мы знаем, что очень многие люди в Германии относятся к американцам с симпатией. Мы тоже не испытываем ненависти к немецкому народу. Мы согласны заключить с вами мир, но для этого вы тоже должны постараться.

– Что ты имеешь в виду? Если речь пойдет о Гитлере...

– Ты не дослушал меня.

– Я слушаю тебя, – Риббентроп набрался терпения.

– Вы должны будете устранить Сталина!

Риббентроп даже не пытался сдержать удивления:

– Вот как! Я ожидал от тебя всего, что угодно, но только не этого. Интересная получается ситуация – министр иностранных дел занимается терроризмом.

– Ты меня не так понял, Иоахим. Тебе не придется заниматься этим делом лично. Ты вполне влиятельный человек, и тебе достаточно будет кому-нибудь поручить это дело.

Вышли на угол ратуши. Риббентроп остановился, посмотрел на Марка. За годы, что они не виделись, тот слегка обрюзг, на шее образовались глубокие морщины. Сейчас трудно было поверить, что двадцать лет назад своей статью он напоминал Геркулеса. Даже ростом сделался как-то пониже.

– И кому же я могу поручить такое дело?

На лице ни тени улыбки.

– Например, Кальтенбруннеру или Шелленбергу.

Вот так работает американская разведка. Оказывается, они уже распланировали операцию и даже назначили руководителей. А что, если применить против этого янки силовой прием, как когда-то в их далекой хоккейной молодости? Пусть поплескается в соленой водичке.

Дипломатический талант заключается в том, чтобы не показать своего настоящего настроения. Любезность, господа, правит миром! С нею можно выиграть самое серьезное дипломатическое сражение.

– Я бы предпочел Шелленберга. – Риббентроп помолчал, потом продолжил: – В любом случае такие вещи не делаются без согласия фюрера. На следующей неделе я должен быть в Ставке фюрера и попробую переговорить с ним. Но указывать сразу на Кальтенбруннера или Шелленберга не стоит. Это может вызвать подозрение. Я вызовусь сам уничтожить Сталина.

Марк не сумел скрыть своего веселья. Заулыбался широко, как когда-то в далеком четырнадцатом году.

– Иоахим, ни Гитлер, ни Кальтенбруннер не воспримут твои слова всерьез.

– Вот этого я как раз и добиваюсь. Я уже давно работаю дипломатом, так что многому успел научиться. Хороший дипломат всегда переиграет хорошего разведчика. Наверняка они поморщатся, а потом предложат собственные услуги.

– Так, значит, ты согласен, Иоахим?

– Да. Я сделаю это ради будущего Германии.

– Ты не ошибся. Если Сталина не будет, то война закончится сама собой. Союзники сразу заключат с Германией мирные соглашения. Вместо Сталина придет новый человек. А он уже не будет обладать тем огромным авторитетом, какой сейчас имеет Дядюшка Джо. И, опершись на нашу помощь, вам легче будет заключить мирный договор с Россией.

– Я сделаю все, что в моих силах, – согласился Риббентроп. – А теперь давай выпьем за встречу. Еще неизвестно, когда мы увидимся в следующий раз. И увидимся ли вообще! Здесь, сразу за ратушей, есть очень хороший кабачок, ты даже не представляешь, какие вкусные свиные ребрышки там подают.

– С удовольствием полакомлюсь, – с видимым облегчением согласился Марк. – Только давай я тебя угошу!

– Э, нет! – воспротивился Риббентроп. – Все-таки ты находишься у меня в гостях, а значит, я тебя и угошаю.

– Это каким же образом я оказался у тебя в гостях? Все-таки это Швеция, а не Германия. А может, пока я летел над океаном, Швеция уже капитулировала?

Риббентроп расхохотался:

– Нам ни к чему воевать с нейтральными странами, здесь и без того полно наших агентов.

Ты мне скажи, каково расстояние от Швеции до Германии?

– Так вы же соседи.

– Вот то-то и оно! А теперь скажи, каково расстояние от Швеции до Америки?

– Теперь я понимаю, к чему ты клонишь. Хорошо, пусть будет выпивка за твой счет, но вот остальное беру я, а то так получается взятка должностному лицу.

– Договорились.

– Так где там находится твой ресторанчик?

– Он совсем недалеко отсюда, каких-то пятьсот метров. Ну что же ты стоишь? А еще там красивые официантки. Ты по-прежнему в форме?

– Разумеется!

– Раз так, пойдём! Я вот что у тебя хотел спросить, а тот гол в игре с американцами ты специально пропустил? Ведь ты же должен был отбить его стопроцентно. – В ответ Марк только рассмеялся. Риббентроп погрозил пальцем: – Теперь я понимаю, что ты еще тогда подыгрывал американцам!

Подождав, пока они скроются за углом, самый удачливый из рыболовов быстро свернул удочку и, положив ее рядом со своим богатым уловом, направился следом за приятелями.

Глава 10

УБРАТЬ СТАЛИНА

Замок Фушл считался резиденцией министра иностранных дел рейха Иоахима Ульриха Фридриха Вилли фон Риббентропа, обергруппенфюрера СС, а потому совершенно не случайно, что в нем проходили приемы иностранных дипломатических миссий.

Правда, свое влияние в международной политике Риббентроп заметно подрастерял с началом войны: большинство стран разорвало с Германией дипломатические отношения, а страны-союзники с подозрением посматривали на МИД Германии, скомпрометировавший себя по еврейскому вопросу.

Вместе с этим ослабело и влияние Риббентропа на Гитлера. В минуты наваливающейся на него хандры Риббентроп удалялся в свое имение под Зальцбургом, а тоску глушил охотой. Звери в окрестностях замка Фушл были не пугливые, подходили настолько близко, что их можно было отстреливать из окна.

В последний день марта 1944 года в замке Фушл проходил торжественный прием по случаю прибытия в Германию Муссолини. После того как были представлены все высшие чины и перед предстоящим банкетом возникла небольшая пауза, Риббентроп, взяв под локоток Шелленберга, сказал:

– Мне нужно с вами поговорить. Вы не возражаете, если мы это сделаем на свежем воздухе?

Шелленберг с интересом посмотрел на Риббентропа. Весьма неожиданный поворот. В замке Фушл Шелленберг оказался случайно, сейчас он должен был бы находиться в Берлине, в своей штаб-квартире. Вчера вечером в район Смоленска, Пскова и Новгорода транспортными самолетами было выброшено одновременно пятнадцать диверсионных групп. В назначенное время на связь вышло только шесть радистов, доложив о своем благополучном приземлении. Остальные девять пока молчали. Не исключено, конечно, что у некоторых из них при приземлении повредилась рация. Но могло оказаться, что остальные группы угодили в лапы русской контрразведки.

Группы, заброшенные на территорию русских, были разведывательно-диверсионными, но главная их задача заключалась в том, чтобы взорвать мосты через реки, имеющие стратегическое значение. Эти диверсии должны были сорвать доставку оружия к линии фронта. Однако в последнюю минуту планы неожиданно поменялись: Гитлер пожелал, чтобы Шелленберг лично сопровождал его до Зальцбурга, и, оставив руководство операцией на заместителей, Шелленберг вылетел в Австрию.

Вальтер Шелленберг, начальник военного управления имперской безопасности, не считал себя паркетным генералом, а потому неизменно тяготился пустыми светскими беседами и изнывал от тоски в обществе праздных дам.

Единственное, что его привлекало на приемах, так это отличный ужин и великолепные французские вина, которыми были забиты подвалы замка.

Он не без зависти наблюдал за тем, как Риббентроп легко, будто скользя по льду, пробирался по переполненному залу, одаривая любезной улыбкой каждого встречного. Дипломатическая деятельность не прошла для бывшего торговца винами бесследно, он сумел обрести немалое обаяние и теперь щедро расточал его во все стороны: дамам отпускал красивые комплименты, замечая их украшения, а мужчинам по-свойски пожимал руки, широко улыбаясь.

Вальтер Шелленберг всерьез завидовал пусть и наигранному настроению министра, у него бы так не получилось. Самое большее, на что он был способен, так это нелепо скривить губы, выражая нечто похожее на беззаботное настроение. Хотя с тем же успехом можно было бы предположить, что у бригадефюрера СС от зубной боли сводит скулы.

Риббентроп вышел на крыльцо, шумно вдохнул горный воздух и, вскинув руки, восторженно протянул:

– Посмотрите, какая красота! Ну чем не рай! А ведь меня уговаривали не приобретать этот замок. Знаете, теперь я его не променяю на все сокровища мира.

Весна в горах наступает рано, а первые цветы так и вовсе пробиваются буквально из-под снега, и у Шелленберга невольно возникло ощущение, что они шагнули напрямик в тропический рай. Особенно красивыми были кусты, посаженные близ крыльца, – распустившись белым цветом, они напоминали хлопок. А между ветками виднелось озеро, зажатое со всех сторон горами. Поговаривали, что в нем водится необыкновенно вкусная форель, которой здесь так много, что она буквально бросается даже на голый крючок.

При наличии свободного времени можно будет проверить все эти рассказы.

– Дышится и впрямь великолепно, – вынужден был признать Шелленберг.

– Вы знаете о том, что Фушл очень старинный замок? – с гордостью в голосе продолжал Риббентроп.

Еще одна скверная привычка рейхминистра заключалась в том, что даже самые серьезные разговоры он начинал с затяжной преамбулы. Вальтера Шелленберга подобная манера разговора несказанно раздражала, но из опасения нажать из-за пустяков серьезного и опасного врага приходилось выслушивать эти долгие предисловия, а чтобы не выпасть из образа, нужно было принимать учтивый вид.

– Только почему вы все время называете этот дом замком? – пожал плечами Шелленберг, стараясь скрыть нарастающее раздражение. – Я не вижу здесь ни крепостных стен, ни башен, ни каких-то других фортификационных сооружений.

Рассмеявшись негромким смехом, Риббентроп повел бригадефюрера СС Шелленберга к озеру. Под ногами негромко захрустел гравий. Как только раздвинули ветки, взору предстала ровная сверкающая водная гладь. Тишь и благодать. Даже слабый ветерок не потревожит этого покоя.

– Фушл – это не замок в нашем понимании. Некогда это был всего лишь охотничий домик для местных князей и епископов. – Рейхсминистр спустился к воде. – Место было чрезвычайно популярное, и знатные вельможи приезжали сюда со всей округи. Так что ни о каких фортификационных сооружениях не может быть и речи. Затем этот домик перешел в собственность кайзеровской семьи, но, видно, в то время у него были более сильные увлечения, а потому здание приходило во все больший упадок, и единственными жителями в нем были местные лесничие. Позже замок неоднократно перепродавался, закладывался, сдавался в аренду, пока наконец у него не нашелся в моем лице прекрасный хозяин. А сейчас залы замка украшают великолепные коллекции живописи и старинной мебели, лучшей в Европе. – Чуть подумав, он добавил: – А может быть, даже и в мире.

– Вы что-то хотели мне сказать, господин рейхсминистр, – сдержанно напомнил Шелленберг. – Скоро ужин, и я всерьез опасаюсь, что он начнется без нас.

Риббентроп улыбнулся:

– Не беспокойтесь, в этом доме не начинают ужин раньше хозяина. Обещайте мне: то, что я вам скажу, останется между нами.

– Господин Риббентроп, секретность – моя профессия. Да и ваша тоже...

– То, о чем я вам сейчас скажу, никто, кроме фюрера и Бормана, не знает. На нашем последнем с фюрером заседании я предложил убить Сталина!

Где-то на середине озера раздался сильный плеск, словно кто-то ударил по поверхности широкой доской. Так могла шалить только щука. Разгоряченная погоней, она могла выпрыгнуть из озера и, ударив по воде хвостом, продолжить свою охоту.

Заявление было неожиданным. Шелленберг невольно повернулся в сторону источника шума, не представляя, как надо реагировать на высказывание министра. Не дождавшись ответа, Риббентроп со страстью продолжал:

– Сталин – это страшная коммунистическая зараза, от которой нужно избавляться. Жаль, что мы не сделали этого раньше, тогда, возможно, не было бы таких больших потерь на Восточном фронте. Но наше дело не проиграно, ошибку можно исправить. Весь советский режим держится исключительно на личности только одного человека, на Сталине! И если мы его устраним, Советский Союз рассыплется, как карточный домик, а мы поможем ему рухнуть своими победами на фронтах. Так что вы на это скажете?

– Значит, вы говорили с фюрером об этом? – как можно сдержаннее спросил Вальтер Шелленберг.

– Разумеется! Наш разговор состоялся в «Бергхофе». Я предложил организовать конференцию, в которой должен принять участие Сталин, а там ради фюрера и тысячелетнего рейха я готов пожертвовать собой и убить Сталина!

Не удержавшись, Шелленберг слегка поморщился:

– И как вы это собираетесь сделать – один? Без поддержки со стороны? Вы не подумали о том, что конференции подобного рода очень тщательно охраняются, а потом, нужна соответствующая причина для того, чтобы Сталин приехал туда, где будут наши представители, ведь он очень осторожен и подозрителен.

Рейхсминистр одобрительно кивнул:

– Примерно то же самое мне сказал и фюрер. Но я сумел убедить его в своей правоте, и он попросил назвать мне имя человека, который мог бы мне помочь. Я назвал вас!

Теперь плеснуло у самого берега, и волна накатила на песчаный берег.

– Можно вам задать вопрос?

– Разумеется!

– Почему именно я, а не Кальтенбруннер или, скажем, Канарис? Например, у военной разведки в таких делах немалый опыт.

– С Канарисом у меня не такие доверительные отношения, как с вами. А потом, он мне неприятен как человек. Например, он весьма резко отзывается о внешней политике Германии. Удивляюсь, как до сих пор фюрер не лишил его должности! На такой должности обязан быть не этнический грек, а настоящий стопроцентный ариец. А потом, я вам доверяю больше, чем кому-либо. Вы удовлетворены?

– Вполне!

– Я, конечно, понимаю, что на конференции будет весьма строгая охрана и что каждый человек будет тщательно досматриваться. Однако каждая серьезная разведка имеет свои маленькие хитрости. Шелленберг, фюрер велел мне с глазу на глаз обсудить возможность устранения Сталина и выразил надежду, что вы найдете какое-нибудь техническое решение этого вопроса, чтобы осуществить поставленную задачу.

Рейхсминистр выглядел возбужденным, говорил громко, сильно размахивая руками, и Вальтер Шелленберг всерьез опасался, что найдутся невольные свидетели их тайного диалога. Он уже пожалел о своем визите в замок: если бы предполагал, что разговор затронет столь щекотливую тему, то предпочел бы отсидеться в этот день в Берлине.

Имелось еще одно обстоятельство, которое очень раздражало Шелленберга, – он не терпел дилетантов, включая высших должностных лиц, которые, пусть даже косвенно, вмешиваются в его дела. Ведь он же не встречается в службу кабинета иностранных дел и не советует рейхсминистру, с кем следовало бы дружить Германии.

Положительные результаты можно получить только там, где действуют настоящие профессионалы.

И еще одна черта Риббентропа была не по нраву Шелленбергу. Подражая фюреру, он все свое окружение предпочитал называть по фамилии. Для него как будто бы не существовало ни имени, ни звания, просто фамилия, и все! В юности Риббентроп жил в Канаде и даже получил гражданство этой страны. Не исключено, что на многие его привычки наложил отпечаток американский стиль жизни.

Риббентроп сверлил Шелленберга взглядом, ожидая от него ответа. Кульминационный момент беседы настал, следовало как можно более тщательно подбирать слова, потому что его ответ будет доложен Гитлеру.

Вальтер Шелленберг понимающе кивнул:

– Мы примем участие в этой акции и разработаем план по устранению Сталина.

– Я бы хотел играть в этом деле главную роль, – воодушевился Иоахим Риббентроп. – Мой дипломатический иммунитет и ваши технические возможности гарантируют нам успех. Я, например, знаю о том, что в одной из лабораторий политической полиции изготавливают револьверы, которые ничем не отличаются от карандаша. Такой револьвер способен стрелять крупнокалиберными патронами и поражает цель на расстоянии до семидесяти метров, – уверенно вещал Риббентроп.

Из распахнутых окон зала раздавалась громкая музыка. Гости понемногу рассаживались на свои места.

– Да, такими новшествами у нас занимается группа «VI Ф», – не стал отрицать Шелленберг.

– Главное, что от меня потребуется, так это твердая рука. Но уверяю вас, когда речь идет о врагах рейха, я не промажу! А потом, я надеюсь, у меня будет возможность попрактиковаться.

Бригадфюрер едва заметно улыбнулся. Интересно, Риббентроп идейный фанатик или человек необычайного мужества? Впрочем, какая разница, подчас между этими двумя понятиями отсутствует всякая грань. Но как объяснить тогда этому фанатику, что от его плана веет изрядной долей авантюризма и что с первой же минуты он обречен на провал?

Но ответить Риббентропу сейчас отказом означало подписать себе смертный приговор, тем более что рейхсминистр уже сумел заручиться поддержкой самого Гитлера. Шелленберг самоубийцей не был.

Выдержав паузу, бригадфюрер уверенно заговорил:

– Ваш план в целом выполним. Хотя он не лишен некоторых недостатков. Но думаю, что если мы подключим свои технические службы, то сумеем его воплотить.

Пора было возвращаться к столу. Развернувшись, бригадфюрер Шелленберг зашагал в сторону замка, увлекая за собой рейхсминистра.

– Только меня смущает один момент, – неожиданно приостановился Шелленберг.

– Какой же? – мгновенно насторожился Риббентроп.

– Нужно действительно найти подходящую причину для того, чтобы заманить Сталина на подобную конференцию. Хотя, честно говоря, я смотрю на это дело с некоторым пессимизмом, особенно после нашего неудачного контакта с англичанами в Стокгольме.

– Может, вам попробовать связаться с русскими по своим каналам? Так сказать, неофициальным путем, все-таки вы возглавляете политическую разведку. Ведь наши официальные контакты с Россией прерваны.

Свет, струившийся из больших окон, падал на кусты, аккуратно стриженные длинными коробами, и освещал узкие дорожки, посыпанные гравием.

– Наши разведки установили такой контакт в Стокгольме, вы это знаете. Однако, уважаемый господин Риббентроп, вы сделали все, чтобы сорвать эти переговоры. А потом – я не особенно доверяю русским. Я солдат и готов подчиниться любому приказу. Лучше возьмите организационную часть на себя, придумайте причину, по которой Сталин приедет, и как только заручитесь его согласием, так я немедленно подключаюсь к операции.

Громкая музыка умолкла, на смену ей зазвучала скрипка. Иоахим Риббентроп предпочитал исключительно живую музыку, считая, что она благотворно влияет на аппетит. Шелленберг слышал о том, что в струнном оркестре первой скрипкой был старый еврей, который прежде играл в Венской опере. Правда, он выдавал себя за мадьяра. При брезгливости Риббентропа к неполноценным расам оставалось только удивляться, почему скрипач до сих пор не в Освенциме. А может, рейхсминистр настолько любит искусство, что решил не обращать внимание на его иудейское происхождение.

– Шелленберг, вы правы. В моем плане действительно имеются кое-какие неясности. Мне нужно будет проконсультроваться, а потом мы с вами поговорим об этом более обстоятельно. Пойдемте в обеденный зал. Знаете, я чертовски проголодался! – Подхватив Шелленберга под руку, он повел его в замок. – Вам уже сообщили, что будет на ужин?

Вальтер Шелленберг расслабленно улыбнулся, трудная часть разговора была завершена.

– Не имею ни малейшего понятия.

– Устрицы! Я ведь знаю, что вы к ним особенно равнодушны.

– Совершенно верно, господин Риббентроп, – расхохотался Шелленберг. – Я думал, что вы дипломат, а вы, оказывается, настоящий разведчик!

Глава 11

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Пошел уже третий месяц, как Таврина переправили в шталагер, или по-другому – постоянный лагерь для военнопленных. В какой-то степени жизнь здесь была упорядочена: на огромной территории, вмещавшей около пяти тысяч военнопленных, стояло несколько бараков, прачечная и даже баня, чего не наблюдалось во фронтовых сборных лагерях.

В сравнении с тремя другими лагерями, в которых пришлось побывать Таврину, шталагер представлялся воплощением порядка. Может быть, потому, что располагался он вблизи промышленного предприятия, которому никак было не обойтись без рабского труда. Вот и приходилось таскать уголек с железнодорожной ветки к сталелитейному заводу. С пустым желудком не очень-то поработаешь, а потому похлебка была сносной (попробовать сальцо не доводилось, но вот жижа явно была погуще).

Вся территория лагеря была поделена на зоны по национальному признаку, в каждой из зон имелся крепенький барак. Любые контакты между обитателями зон строго пресекались с чисто немецкой бескомпромиссностью – короткая автоматная очередь с вышки, и активисты оттаскивали очередного жмурика в яму. Поэтому нельзя было услышать никаких ободряющих криков через колючую проволоку, отсутствовал даже случайный интерес – ровным счетом ничего такого, что не вписывалось бы в устав лагеря. За соблюдение внутрилагерного режима отвечали дежурные коменданты и разного рода помощники из числа военнопленных.

А уж последние умели служить!

Только для того, чтобы подняться хотя бы на полвершка среди себе подобных, они готовы были всячески прислуживать, бить, убивать. В этом и состояла нехитрая философия выживания.

Обезличенные, высохшие, лишённые всякой индивидуальности, военнопленные походили друг на друга. Трудно было поверить, что в этом страшном местечке, обмотанном со всех сторон колючей проволокой, могло существовать хоть что-то похожее на сопротивление. Ведь на первый взгляд казалось, что военнопленные не только одинаково вышагивают строем, но даже мысли у них похожие. Сильный голод выхолащивал все инстинкты, волю, желание к побегу, мысли о доме, оставляя одно-единственное желание – выжить любой ценой, пусть даже за счет себе подобных. Таврина всякий раз удивляло, что в этой равной серой людской массе кто-то может думать по-другому и даже не соглашаться с уставом лагеря.

Три дня назад перед строем было расстреляно десять человек, как выяснилось впоследствии, они готовили побег. Каким-то образом военнопленные даже успели прорыть от барака хозчасти подземный ход в пятнадцать метров. До желанной воли оставалось совсем немного, когда в этот тоннель неожиданно провалилась смотровая вышка.

А неделю назад в тайную полевую полицию было отправлено четыре человека – ходил слухок, что это была группа советских разведчиков. Удивительно, но даже на этой крохотной территории происходило столкновение двух разведок.

За последние полгода у Таврина это был уже четвертый лагерь. Менялась территория, на которой они находились, бараки, окружающие лица, а неизменным оставался только немецкий порядок. Но в этот день в отлаженных немецких часовых механизмах их «орднунга» вхолостую провернулось какое-то колесико: работу отложили до двенадцати часов дня, так как в девять часов утра из Берлина должно было прибыть какое-то высокое немецкое начальство для встречи с русскими военнопленными.

Оставалось только радоваться хотя бы непродолжительному отдыху.

Ровно в девять часов утра русских военнопленных вывели на плац. На дощатый помост в генеральской шинели Русской освободительной армии вышел высокий мужчина. Поначалу Таврин удивился столь поразительному сходству, но когда тот заговорил, четко выговаривая каждое слово, то понял, что выступающим был Гаврила Варфоломеев, его бывший сосед по нарам.

Осмотрев строй из двух тысяч человек, Варфоломеев заговорил уверенным, хорошо поставленным голосом:

– Друзья мои! Я такой же русский человек, как и вы. А всего лишь около года назад я был военнопленным, так же, как и вы. Моя фамилия Жиленков. Зовут Георгием Николаевичем. В сорок первом я был назначен членом военного совета Тридцать второй армии Западного фронта в звании бригадного комиссара. А до этого я был секретарем Ростокинского районного комитета партии города Москвы. Если среди вас имеются москвичи, то вы должны меня помнить. Хочу вам сразу сказать, что я не добровольно сдался, а оказался в окружении и таким образом попал в плен. Только уже потом понял, оказавшись в лагере для военнопленных, в каком преступном государстве я проживал. Возможно, для вас мои слова будут неожиданными, но Сталин в первую очередь воюет со своим народом, русским народом, которого не любит и никогда не любил. А все потому, что сам он – грузин. А все его слова о том, что русский народ – старший брат для других народов, не что иное, как лицемерие. Страшно подумать, сколько русских людей сгнило заживо в лагерях, пока он находится у власти. Миллионы! Товарищи, друзья, история нам дала шанс сбросить с шеи сталинское ярмо! И судить Сталина как величайшего преступника и тирана! Я призываю вас вступать в Гвардейскую бригаду Русской освободительной армии, которая должна первой войти в Москву. Предательством будет – оставаться в стороне и помогать Сталину сохранять его преступный режим, в то самое время, когда сотни тысяч наших соотечественников используют как пушечное мясо. Вы находитесь в плену. Сталин не просто забыл вас, он вас предал! Для него вы все, попавшие в плен, предатели! Ни один руководитель страны не относился так подло к своим гражданам, как Сталин. Как только вы вступите в Гвардейскую бригаду, я обещаю вам, что с этого дня у вас начнется совершенно другая жизнь. Вы сами станете хозяевами собственной судьбы, а для этого мы должны сначала помочь немцам сокрушить преступный сталинский режим. Прошу выйти вперед тех, кто хочет жить в великой стране и с оружием в руках завоевать свободу для себя и своих близких и сбросить с рук сталинские оковы.

Строй неровно колыхнулся, и из него, почти одновременно, вышло около сотни человек.

– Вы сделали правильный выбор, товарищи, – сообщил Жиленков. – Вижу, что вы настоящие патриоты своей родины и желаете ей только добра. Кто еще желает помочь своей родине? Выходите, товарищи, смелее!

– Я хочу, – протиснулся вперед Таврин. – Да пусть ты, – отодвинул он коренастого парня, стоящего впереди. – Дай пройду! Товарищ Жиленков, запишите и меня в свою Гвардейскую бригаду!

Сейчас в Жиленкове ничего не было от того прежнего военнопленного, каким он был всего-то год назад. В первую очередь он изменился внешне – прибавил в весе, щеки заметно округлились, кожа сделалась лоснящейся. В немецкой армии, похоже, он достиг благополучия.

Всем бы так жить!

Бывший сосед по нарам в одну минуту пережил целую симфонию чувств, отразившуюся в его округлившись глазах. Неподвижным оставалось только лицо, выглядевшее суровым и значительным. Он и раньше не был особенно привлекательным, а сейчас точно было понятно, что творец не удосужился подобрать для его внешности подходящую форму. Небрежно слепленный, будто бы на авось, с нелепо торчащими из-под фуражки большими ушами, он должен был бы вызывать у военнопленных снисходительные улыбки, однако потешаться никто не спешил.

Сбежав по ступеням, Жиленков-Варфоломеев широко распахнул объятия, как будто в порыве радости хотел сгрести в охапку весь строй, но, подступив к бывшему соседу по нарам, лишь только сдержанно протянул руку.

– Вот так встреча!

Рукопожатие Жиленкова оказалось на редкость крепким. Лицо дрогнуло и растеклось в доброжелательной улыбке.

Вблизи Жиленков был не так суров, как на трибуне. Таврин отметил, что фуражка на его заметно вытянутой голове сидела на самой макушке и была явно не по размеру. По тому, как он носил форму, в нем можно было сразу определить человека штатского. Отсутствовало в нем то щеголеватое умение носить форму, какое всегда присутствует у кадрового военного. Да и сам он казался каким-то ненастоящим, ряженым в чужую одежду.

– Я тоже не ожидал.

Военнопленные вытягивали шею, наблюдая за встречей двух приятелей.

– Знаешь, а я часто вспоминаю тот кипятильник, которым ты меня поил в лагере, когда я загибался от простуды. Если бы не твоя забота, так мы бы с тобой сейчас не разговаривали.

Таврин смущенно улыбнулся.

– Я не сделал ничего особенного. На моем месте так поступил бы каждый.

Жиленков нахмурился. Стало заметно, что ему есть чего вспомнить. Выждав паузу, он сказал:

– Не скажи... Мне тут пришлось много чего увидеть и пережить. Близких за корку хлеба задушат, только чтобы самим выжить. Давай отойдем...

Жиленков, попридержав Таврина за локоток, отвел его в сторонку. Военнопленные больше его не интересовали, казалось, что сейчас он был занят более важным делом. Комендант лагеря, длинный худой немец, встав перед строем, заговорил, слегка растягивая слова:

– Господа военнопленные, советую вам подумать над предложением генерал-лейтенанта Жиленкова. Это ваш шанс, чтобы достойно продолжить свою жизнь и своей доблестной службой помочь вермахту избавить Россию от большевизма и установить в ней новый порядок. Всем, кто хочет служить фюреру и доблестной Германии, подойти к старостам барака. А теперь – разойтись!

Военнопленные расходились медленно. Обычно так разбредаются с кладбища. Минуту назад была похоронена еще одна надежда.

– Быстро ты растешь, – заметил Таврин, – от простого шофера – до генерала!

– А ты не удивляйся, – сдержанно сказал Жиленков. – Во время войны еще и не такие стремительные карьеры получаются. Гитлер так вообще из ефрейторов в главнокомандующие шагнул!

Через несколько минут плац опустел. На расчерченном белой краской асфальте осталась осыпавшаяся с обуви грязь. Дежурный, вооружившись совком, бежал на плац, чтобы устранить непорядок, – немцы не прощают оплошности даже в малом.

Петр Таврин невольно обернулся – не слушает ли кто?

– Если ты окажешься порасторопнее, то обещаю тебе, что твоя карьера будет не менее стремительной, чем моя. Закурить хочешь? – неожиданно спросил Жиленков.

– Не отказался бы.

Таврин ожидал, что бывший приятель вытащит немецкие сигареты – легкие и приторно-сладкие, как карамель, но тот протянул пачку родного «Казбека».

– Можно взять парочку? – с надеждой спросил Таврин.

– Забирай всю пачку. Слава богу, у меня теперь этого добра навалом.

– Трофейные?

– Можно и так сказать.

– Благодарю. – Петр мгновенно упрятал папиросы в карман гимнастерки.

Разговор проходил рядом с запретной зоной – тихое местечко, к которому не рискует приближаться ни один военнопленный, а они вот стоят и свободно разговаривают. В их сторону даже ни один эсэсовец не глянет. Есть в этом что-то занятное.

Закурили. Словами не бросались, каждый думал о своем. Таврин наслаждался предоставленным покоем – не нужно было идти в душный барак к людской скученности и суете. Стоишь себе да просто так покуриваешь.

Жиленков тоже думал о чем-то своем, и Таврину хотелось верить, что ему вспоминалось их совместное житье в лагерном бараке. Кто бы мог подумать, что та кружка с кипятком сыграт такую роль.

– Это хорошо, что ты с нами, нам нужны надежные люди, – наконец сказал Жиленков. – А я к тебе еще тогда присмотрелся.

– Так почему ты шофером-то прикидывался?

– Немцы ведь не жалуют комиссаров, думал, что если узнают – сразу расстреляют. Вот пришлось на хитрость пойти. А водитель я неплохой, все-таки у меня своя машина была.

– Как же немцы о тебе узнали?

– Какая-то сволочь выдала. Думал, повесят. – Линия губ Жиленкова презрительно искривилась. – А они мне сотрудничество предложили. Если говорить честно, я и раньше к Сталину особой симпатии не питал, чувствовал, что у нас в стране что-то не так складывается. Ведь каких людей врагами народа признали! Ведь они же революцию делали! А вместо них пришли другие, непонятно кто. Удивляюсь, что меня самого не загребли, я ведь многих из репрессированных лично знал. То, о чем сейчас мы с тобой свободно говорим, об этом весь мир давно знает, а мы только по углам шепчемся. Все думали, что у нас лучшее отечество, а это совсем не так оказалось. Вот, к примеру, Сталин всех своих соратников да ленинскую гвардию уничтожил, которые знали, куда нам идти. Так что даже не поймешь, чего мы сейчас строим и куда движемся. И так ли все это было изначально задумано. А Гитлер со своими партийцами, которые его к власти привели, ни одного не оттолкнул. До сих пор с ними шнапс пьет. Я это еще тверже уяснил, когда по Германии поездил. Ведь они же Первую мировую проиграли, а как живут! Простые работяги на собственных машинах по всей Европе разъезжают! Ладно, сам со временем поймешь, что к чему.

Левый глаз Жиленкова слегка прищурился: дым от табака поднимался кверху, раздражая сетчатку.

– Большевики проиграют войну, это точно. И поделом! Вон как Гитлер на Кавказе попер. А дальше Волга, а там и до Урала уже рукой дотянуться можно. Теперь им не выбратся.

– Не выбратся, – согласился Таврин.

– Так что тебе нужно побыстрее определяться, куда ты пойдешь и с кем. Когда война закончится, знаешь, сколько людей будут говорить о том, что они приближали победу? Толпы! А вы помогите сейчас, когда большая кровушка льется.

– Как ты думаешь, сколько еще большевики продержатся?

– Думаю, что с год, максимум – полтора. Я тут поездил по Германии, многое чего увидел. Если бы ты знал, какую они силу собирают. Весь мир теперь на фрицев работает. В России такого нет, я тебе точно говорю! И вот тебе мой совет, не думай, что ты родину предаешь. Родина там, где тебе хорошо и сытно, где тебя уважают как личность. А если ты не знаешь, в какую именно ночь тебя заберут на Лубянку – в эту или в следующую, – и держишь на всякий случай в коридоре сидорок на дороге, с которым предстоит идти по этапу, то какая это, к дьяволу, родина! – зло сказал Жиленков. Помолчав, добавил – голос его сделался заметно глуховатым: – А еще и радуешься, что в эту ночь пришли забирать не тебя, а твоего соседа. Насмотрелся я, – обреченно махнул он рукой. – Вот, казалось бы, немцы, враги, я должен их презирать и ненавидеть, а однако я здесь себя чувствую своим. И знаю, что гестапо меня просто так не потревожит. Конечно, хочется побыстрее в Москву, но в такую, которая без больше-

виков. Вот как только вернусь, сяду где-нибудь у Кремля на скамеечке, откупорю бутылочку пива и выпью ее на радостях. Так что ты скажешь?

– Я уже сказал. Я с тобой.

– Вот и славно, – похлопал Жиленков приятеля по плечу. – Я знал, что ты сделаешь правильный выбор. Обещаю о тебе позаботиться. Пойду к начальнику лагеря, расскажу о тебе все, что нужно. Нам требуются верные люди. Но ты не думай, что мы все время под немцами будем. Сейчас нам с немцами по пути. А вот когда мы большевиков растопчем, там уже и о себе подумаем, как нам всем быть дальше.

– О чем это ты?

– Немного вперед смотрю. Немцы обещали нам государственность. Вот только как там на деле произойдет – пока неизвестно. Не все мне в их политике нравится. Вместо великой России надумали создать независимые национальные государства. Формируют легионы, которые только тем и занимаются, что режут русское население. Мы с них еще спросим за это. И вообще, достойны ли эти нации самостоятельности, если ведут себя так нецивилизованно. Власов тоже недоволен действиями этих нацменов. Писал об этом Гитлеру, просил у него аудиенции, но тот почему-то его не принимает.

Таврин только кивнул. Заведи он сам подобные разговоры где-нибудь в бараке, так им тотчас заинтересовалась бы Тайная полевая полиция. А тут Жиленков рассуждает о вещах куда более серьезных, но вместо камеры пыток удостоился покровительства генералитета СС.

Как все-таки причудливо перемешался этот мир!

– А может, Гитлер думает, что Власов на большевиков работает? – предположил Петр.

– На большевиков он, конечно, не работает, – серьезно ответил Жиленков. – А вот только зря ты улыбаешься. У нас есть основание думать, что Гитлер считает, будто бы сдача в плен генерала Власова была тонким замыслом Сталина. А разбрасываться нашими территориями мы не дадим! – Он махнул рукой. – Ладно, давай поговорим о твоём будущем. Когда тебя вызовет к себе начальник лагеря, держись с ним уверенно, не тушуйся, но без дерзости. Скажешь, что хочешь служить великой Германии и готов обучаться в диверсионной разведывательной школе. Если будет спрашивать, какую именно специальность хочешь выбрать, то скажешь, что пока еще не определился. Нужно осмотреться, а там я тебе подскажу. Ты все понял?

– Да.

– А теперь давай простимся, – протянул руку Жиленков. – Пойду! Главное – не болтай лишнего.

Крепко пожав руку Таврина, Жиленков размашистым шагом направился к воротам.

Остаться в одиночестве вблизи запретной зоны было неуютно. Поежившись, Таврин направился в барак, чувствуя спиной любопытные взгляды лагерников.

Глава 12 ПРОВЕРКА

Пройдя по тенистой Первомайской улице, расположенной в самом центре Ростова, почтальон отыскал дом под номером три и, оглядевшись, вошел в крайний подъезд. Прошагав два пролета по полутемной лестнице, он остановился перед семнадцатой квартирой и уверенно надавил на кнопку звонка. Где-то в глубине квартиры раздались неторопливые шаги, потом мужской низкий голос предупредил:

– Сейчас открою.

Щелкнул замок, и дверь приоткрылась. На пороге предстал крупный мужчина с большим животом, обтянутым тесной белой майкой, будто полковой барабан.

– Здравствуйте. Вы не подскажете, тут проживает Петр Иванович Комаров?

– А зачем он вам нужен? – удивился мужчина.

– Тут на его имя пришел перевод на крупную сумму. Не знаем, как вручить.

– Что-то они поздно хватились. Он ведь здесь уже давно не проживает.

– А вы не знаете, куда он мог уехать?

– А куда тут можно уехать, если здоров? Только на фронт. Я бы вот тоже пошел, да здоровье не того, – постучал мужчина указательным пальцем по левой стороне груди. – Не позволяет!

Печально улыбнувшись, почтальон сочувственно вздохнул:

– А я вот по возрасту не могу. Вот и приходится почту разносить.

– Каждый на своем участке полезен.

Разговор был исчерпан. Пора было закрывать дверь.

– Он ведь, кажется, работал на заводе «Электроприбор»?

– Верно, – удивленно протянул сосед.

– Может, вы знаете кого-нибудь из его сослуживцев? Может быть, они подскажут, где он сейчас находится?

Мужчина безнадежно махнул рукой.

– Какой там! Люди к нему приходили. Петр представлял их как своих коллег по заводу. Бывало, мы с ним вместе с его гостями выпивали, но вот где они живут, сказать не могу. Ведь когда пьешь, в паспорт-то не заглядываешь? Хе-хе...

– Все правильно, – кивнул почтальон. – Ладно, пойду я. Извините, что побеспокоил.

Дверь захлопнулась. Мужчина подошел к окну, проследил за идущим по улице почтальоном. Затем поднял трубку телефона и набрал номер:

– Только что под видом почтальона приходил мужчина лет шестидесяти. Интересовался, где сейчас находится Комаров. Сейчас он свернул на Рабочую улицу. Возьмите его под наблюдение, но только поаккуратнее. Постарайтесь не упустить. – И положил трубку.

* * *

В этой части лагеря Петр Таврин оказался впервые. Отделенная высоким деревянным забором от остального мира, она казалась недостижимой, как далекая галактика.

Первое, что бросилось в глаза Таврину, так это женщины в модных ярких платьях. Прислушавшись к их разговору, он понял, что это были немки, скорее всего, жены офицеров, охраняющих лагерь. Видно, в таких нарядах они ходили по улицам Германии и вот теперь дивили ими военнопленных, которым было разрешено работать в жилой части. Что ж, хваткие дамочки – отправились вслед за мужьями, чтобы урвать жирный кусок земли для имения.

Эсэсовцы провели Таврина через территорию немецкой колонии, построенной крепко, добротно, из красного кирпича, и, как виделось многим, на века. Пухловатые, с необычайно белой кожей немки выглядели прямо-таки обворожительными, вот только ни одна из них не удостоила его взглядом – эка невидаль, чего смотреть на папуаса в перьях! Таких здесь за колючей проволокой целый лагерь.

Вошли в двухэтажное строение. У парадного входа огромное полотнище со свастикой. Оно и понятно – административное здание обустроенной колонии. Наверняка именно здесь раздавались нарезы русской земли. Интересно, какой кусок российской земли они делят сейчас?

У клумбы, низко согнувшись и вооружившись небольшими граблями, копалась женщина лет тридцати пяти (наверняка жена одного из офицеров). Платье на ней было свободное, глубоко декольтированное, в глубоком разрезе просматривались две округлости нежной плоти, не ведавшей ультрафиолетового соблазна.

Петр невольно сглотнул, представив, какое богатство скрывают легкие цветные тряпки.

Взглянув на Таврина, женщина даже не попыталась скрыть оголенные части тела: пленный, да к тому же еще и дикий скиф, существо более низкого порядка, примерно такое же, как бездомный пес, – она увлеченно продолжала возиться с цветами.

Вошли в кабинет начальника лагеря оберштурмбаннфюрера Ламсдорфа.

– Господин оберштурмбаннфюрер, – обратился эсэсовец, – ваше приказание выполнено, военнопленный третьей роты под номером двести двадцать четыре дробь четырнадцать доставлен.

Оберштурмбаннфюрер терпеливо выслушал доклад. Лысый, с круглой головой и румяными пухлыми щеками, он выглядел вполне добродушно.

– Проходите вот сюда, – коротко распорядился он, указав на свободное место перед столом.

Таврин никогда не видел начальника лагеря столь близко – между ним и военнопленными всегда стояли три автоматчика, контролировавшие каждый шаг лагерника, – а сейчас он находился в его просторном кабинете, всего-то на расстоянии вытянутой руки, и внимательно следил за всемогущим хозяином лагеря и его узников.

– У вас серьезные покровители, – наконец сказал Ламсдорф.

Таврин слегка пожал плечами, не зная, следует ли отвечать на подобное высказывание. Оберштурмбаннфюрер Ламсдорф, похоже, тоже не ожидал от него ответа.

– Я тут полистал ваше дело. Вы сдались в плен добровольно, не так ли? Почему? Неужели Советская власть была к вам так немилостива?

Над головой оберштурмбаннфюрера висел большой портрет Гитлера в светло-коричневом френче. На груди фюрера был только Железный крест, полученный им в Первую мировую войну. И больше никаких знаков отличия. Фюрер был строг и пронизателен одновременно. Такому не соврешь!

– Мне уже задавали такие вопросы. Я подробно отвечал на них.

– Да, я читал протоколы допросов, но мне бы хотелось услышать это от вас. Важно, так сказать, личное впечатление.

– На передовой меня увидел человек, который прежде знал меня под другой фамилией. Он сообщил обо мне в контрразведку дивизии. Если бы я не перешел к вам, то меня давно уже расстреляли бы.

– Насколько искренне ваше желание служить Германии?

Самый скверный противник – это прибалтийские немцы. Кроме знания русского языка, который, по существу, является для них родным, они прекрасно разбираются в психологии русских, а потому их не проведешь. Живущие на стыке двух культур, они являлись проводниками немцев в дремучую, на их взгляд, психологию скифских народов. А потому не могло быть

и речи, чтобы обмануть его – раскусит сразу, как полый орех, стоит только взять неверную ноту. Спасти может только полуправда.

– Обратного пути у меня нет. Желание жить – это достаточная мотивация для верного служения вермахту?

– Нам нужны люди, которые служат рейху не из-за страха, а по убеждению.

Линия губ оберштурмбаннфюрера небрежно изогнулась. Ламсдорф смотрел на Таврина с таким видом, как будто только что поймал его за руку за кражей медного грошика. Да, он явно не такой простачок, каким выглядит...

– У меня свой личный счет к большевикам, – попытался уверить его Таврин. – Я три раза сидел в тюрьме.

– А вот это уже интересно. Надеюсь, это была политика, а не какой-нибудь пьяный дебош в затхлом ресторане.

– Ни то и ни другое. Я работал бухгалтером на одном крупном предприятии. Директор проворовался и все свалил на меня. Мне дали три года, но вышел я через полтора.

– Хорошо трудились на коммунистических стройках? Большевики умеют перевоспитывать.

– Нет, просто попал под амнистию к очередной годовщине революции.

– Значит, не перевоспитали. За что же посадили в следующий раз?

– Кхм... Повторилась та же история. Я работал бухгалтером, и при очередной проверке обнаружилась недостача. Меня осудили. Две судимости – это уже не шутка. И едва на меня упало очередное подозрение – особо церемониться не стали, посадили в третий раз. Ну, тут уж я не выдержал: подготовился и совершил побег. Мне удалось поменять фамилию... достать новые документы. С ними я и попал на фронт...

– Однако у вас патологическая страсть к легким деньгам. И к авантюрам... – заключил начальник лагеря. – Для советского человека с его верой в коммунистические идеалы это совершенно несвойственно. Ведь в скором времени, по утверждению Маркса, можно будет обходиться совсем без денег. Ладно, обо всем этом с вами еще поговорят те, кому это положено. Мне же поручено узнать, способны ли вы к диверсионной работе. Если да, то скоро вас переведут в спецлагерь «Предприятия „Цепелин“». Какой дорогой вы ко мне шли? – неожиданно спросил оберштурмбаннфюрер.

– Сюда одна дорога.

– А вы, оказывается, остряк, – одобрительно заметил начальник лагеря. – Надеюсь, это вам пригодится в жизни. Напрягитесь и вспомните, какого цвета была брусчатка, по которой вы шли?

– Это была не брусчатка, а асфальтовая дорожка.

В глазах оберштурмбаннфюрера вспыхнули веселые искорки. Похоже, ответ его вполне удовлетворил.

– Верно. Оказывается, вы не такой простой, как может показаться вначале. Наблюдательность – это хорошо. Считайте, что первое испытание вы выдержали.

Голос у начальника лагеря сделался чуток теплее – способных людей ценят даже враги.

– Ладно, это был легкий вопрос, а сейчас ответьте мне, в какой цвет покрашены ступени на крыльце?

– Там не было ступенек, – уверенно ответил Таврин. – А если вас интересует, какая была дверь, то могу сказать, что она была деревянной, выкрашенной в темно-коричневый цвет.

– Вы меня заинтриговали. Вы первый, кто ответил на эти вопросы точно. Как же вы с таким блестящим умом, с вашей наблюдательностью попались на финансовых махинациях?

– Моя работа, а главное – моя тюрьма меня многому научили. Сейчас я бы не попался.

– Теперь мне понятны истоки вашей наблюдательности. Жизнь заставила вас быть наблюдательным. Теперь попробуем вот что.

Оберштурмбаннфюрер вытащил из кармана коробок спичек и положил его на стол. Выдвинув ящик стола, он вынул из него и положил на стол пистолет «вальтер», затем, немного покопавшись, выудил старый потертый портсигар, десяток патронов, среди которых было несколько больших – от крупнокалиберного пулемета. Затем на столе оказались какие-то шурупы, болты... Для немца, пусть даже прибалтийского, подобный хаос совершенно невозможен.

Таврин с видимым равнодушием наблюдал за стараниями начальства. Экзамен закончен, самое время, чтобы навести порядок на рабочем столе. Вот сейчас сгребет в одну кучу все лишнее и выбросит в мусорную корзину. Но неожиданно начальник лагеря распорядился:

– Отвернитесь.

Таврин молча повиновался. Что за новость, уж не собираются ли его пристрелить в затылок?

– И ответьте мне вот на какой вопрос: что вы видели на столе и в каком порядке лежат эти вещи?

– Четыре патрона от крупнокалиберного пулемета лежат все вместе рядом с вашей правой рукой. Пять патронов с трассирующими пулями с зеленой маркировкой разложены веером чуть выше. Коробок спичек лежит в центре стола, короткой стороной к вам. Рядом портсигар, длинной стороной он направлен в окно. Восемь шурупов лежат горкой. Шесть болтов выложены дорожкой. Вы неосторожны, господин оберштурмбаннфюрер, пистолет взведен. А что, если мне вздумалось бы его выхватить и направить на вас?

– Однако... Повернитесь.

Таврин немедленно подчинился и, посмотрев на предметы, разложенные на столе, остался доволен своей наблюдательностью. Пистолет уже благоразумно был спрятан в ящик стола.

– А вы молодец. Если бы я не был знаком с вашим личным делом, то подумал бы, что вы прошли серьезную подготовку в русской разведшколе. Впрочем, русский разведчик вел бы себя более благоразумно. – Оберштурмбаннфюрер небрежно смахнул весь хлам в выдвинутый ящик стола. – Пройдете трехмесячную подготовку у нас, а потом вас отправят в лагерь «Предприятия „Цепелин“». Надеюсь, что вы будете полезны Германии и фюреру. А я со своей стороны напишу вам рекомендательное письмо. Что поделаешь, в наше время без протекции никак нельзя. – Широко улыбнувшись (Таврин никогда не видел его в таком хорошем расположении духа), он добавил: – Должны же знать о ваших способностях те, кому это положено знать по службе.

Глава 13

РАСПОРЯЖЕНИЕ ГИММЛЕРА

Перешагивая порог кабинета Генриха Гиммлера, Вальтер Шелленберг ощутил легкое волнение. Несмотря на просторный кабинет, каков и должен быть у одного из высших руководителей рейха, обставлен он был довольно скромно: длинный стол, за которым проводились совещания; шесть стульев, поставленных вдоль стен; в углу старомодный шкаф, в котором плотно стояли книги (предпочтение отдавалось немецкой классике и мемуарной литературе). Камин, выложенный зеленой изразцовой плиткой, рядом с камином возвышалось глубокое кресло. Обращала на себя внимание огромная картина, висящая напротив двери, – яркими сочными красками были нарисованы горы, к подножию которых притулилась небольшая деревушка с черепичными крышами, через деревушку проходила широкая, слегка петляющая дорога, теряющаяся в межгорье.

Этот незамысловатый пейзаж так и дышал покоем и безмятежностью и несколько смягчал казенный аскетический вид кабинета. С первого взгляда было ясно, что это полотно работы какого-то выдающегося мастера. Возможно, на оборотной стороне имеется даже музейный номер. Гиммлер не пропускал мимо себя ни одной красивой вещи, а к шедеврам питал определенную слабость.

Гиммлер сидел за небольшим письменным столом и что-то писал.

Выбросив вперед руку в нацистском приветствии, Шелленберг энергично поприветствовал рейхсфюрера СС. Генрих Гиммлер, как и подобает одному из высших руководителей Третьего рейха, лишь коротко ответил:

– Хайль!

Отодвинув в сторону бумаги, он внимательно посмотрел на бригадефюрера. Глаза пронизательные, умные, собственно, такие и должны быть у руководителя разведки. Внешность у рейхсфюрера была очень даже располагающая, интеллигентная, а модные очки в золотой оправе придавали ему прямо-таки академический вид. Во время разговора он не делал никаких резких движений, был внимателен и любезен. Всем своим видом он напоминал обыкновенного учителя, какими были его родители, а поучающий тон еще более добавлял сходства. Всякий раз у Шелленберга при беседе с Гиммлером невольно возникало ощущение, что он вновь оказался на студенческой скамье и держит суровый экзамен перед именитым профессором. И очень опасается огорчить его своим неправильным ответом.

– Присаживайтесь, Вальтер, – кивнул Гиммлер на стул у стола.

Шелленберг неторопливо сел. О чем пойдет разговор, он даже не догадывался. Ранним утром ему позвонил адъютант Гиммлера и сообщил о том, что рейхсфюрер хочет видеть его в двенадцать часов дня. Шелленберг не любил таких незапланированных визитов хотя бы потому, что чаще всего они оборачивались какими-нибудь неприятностями. Роль нашкодившего школьника не для него, да и домашнее задание он всегда выполнял исправно.

Перед визитом Шелленберг еще раз внимательно пролистал все бумаги, касающиеся вопросов, по которым может пойти разговор, и, сложив их в папку, направился в рейхстаг.

Скорее всего, Гиммлера интересовали разведывательные проекты в Прибалтике, которые ведомство Шелленберга разрабатывало в последние четыре месяца, и он решил получить полный отчет по этому направлению.

За этот участок Шелленберг был спокоен: здесь имелись определенные успехи. В последнюю неделю было выброшено сорок диверсионных групп, тридцать из которых уже успели выйти на связь. В случае возможного продвижения русских на запад они должны будут заняться в их тылу активной диверсионной работой. В каждой из групп имелся специалист по

подрывному делу, а взрывчатки им сбросили столько, что ее вполне хватит на два десятилетия. Так что в ближайшее время в этом районе следует ожидать активизации диверсионных действий, тем более что командование вермахта планирует на этом направлении серьезный прорыв.

– Вы, кажется, вчера разговаривали с Риббентропом? – Стекла очков Гиммера зловеще блеснули, но лицо его продолжало излучать любезную доброжелательность.

Шелленберг даже не удивился вопросу – руководитель секретных служб должен знать все.

– Да, господин рейхсфюрер. Риббентроп предложил мне принять участие в разработке теракта против Сталина. Он считает, что как только Сталина не станет, так советский режим рухнет сам собой. Он сказал, что заручился поддержкой фюрера. И готов лично устранить Сталина на какой-нибудь из конференций. Правда, я сомневаюсь, что подобная конференция может состояться в ближайшем будущем.

– Ах, вот оно как, – интонации Гимmlера прозвучали слегка раздраженно. – С каких это пор внешнеполитическое ведомство вмешивается в дела зарубежной разведки? И потом, действительно, с чего это Риббентроп взял, что Сталин захочет с ним встретиться? Что же вы ему ответили?

– Я сказал, что готов помочь, даже рад буду подключить наш технический отдел, но только пусть он заручится от Сталина согласием, что тот явится на какую-нибудь международную конференцию. – Шелленберг слегка улыбнулся.

Гимmlер рассмеялся. Ответ Шелленберга ему понравился. В рейхе ни для кого не были секретом натянутые отношения между главой внешнеполитического ведомства и рейхсфюрером СС. А потому Гимmlер не упускал случая, чтобы шелкнуть оппонента по кончику носа.

– Скажу вам откровенно, Вальтер, вряд ли Риббентропу удастся найти подходящую причину. Сталин не пойдет на контакт. Сейчас сорок четвертый год, а не сорок первый и даже не сорок второй... Раньше нужно было думать об этом. Русские сейчас переходят в наступление по всему фронту. Если с кем и можно встречаться, так это с его союзниками – американцами и англичанами.

Шелленберг застыл, стараясь ничем не выдать своего волнения. Все это весьма чревато... Рейхсфюрер произносил крамольные вещи. Если вдруг содержание разговора станет известно какому-то третьему лицу, то Гитлер, не колеблясь, лишит его всех наград и званий и велит публично казнить где-нибудь на Александерплац. Следовательно, Гимmlер полагает, что отношения между ними более чем доверительные.

– Как-нибудь, Шелленберг, мы с вами поговорим об этом пообстоятельнее. Я считаю, что у нас с американцами и англичанами много общего. Во всяком случае, нелюбовь к России... Об этом они тоже никогда не забывают. Я даже не исключаю, что в этой войне могут выиграть русские. Не удивляйтесь, Вальтер, я реалист и прекрасно осведомлен о том, что творится на фронтах. И американцы с англичанами подозревают, что как только эта красная чума разделается с нами, так она непременно обрушит весь свой гнев и на их головы. Тем более что за русскими будет психологическое преимущество – покоренная Европа и вера в то, что русские солдаты способны освободить весь мир! Ладно, сейчас не об этом... Если Гитлер хочет, чтобы мы устранили Сталина, что ж, мы постараемся сделать для этого все возможное. Я, честно говоря, не верю, что с его устранением война закончится и что русские войска двинутся в обратную сторону. Но ликвидация Сталина может дать нам какую-то временную передышку. А за это время мы постараемся договориться с союзниками. А уж они сумеют надавить на преемника Сталина. Сегодня у меня назначена встреча с фюрером, я обязательно подниму этот вопрос. И если он лично одобрит операцию по устранению Сталина, то вы должны будете подготовить подробнейший план, как осуществить эту операцию наилучшим образом.

– Слушаюсь, господин рейхсфюрер!

Глава 14

СЕКРЕТНОЕ ДОСЬЕ

В дверь негромко постучали, и в просторный кабинет Абакумова вошел адъютант и сказал прямо с порога:

- Виктор Семенович, пришла радиограмма, только что расшифровали.
- Давай сюда.

Адъютант, высокий краснощекий капитан, распрямив спину, уверенно прошел к столу (шесть шагов) и положил на него сложенный вдвое лист бумаги. Парень держался прямо, очень уверенно, но упругий шаг портили его огромные стопы, которые он ставил как-то вразлет. Создавалось впечатление, что он шагал не по кабинету начальника управления, а подходил к станку в балетном зале. Надо будет как-нибудь при случае поинтересоваться, не занимался ли он в прошлом балльными танцами.

Положив на стол бумагу, адъютант четко развернулся и уверенно, по-прежнему ступая елочкой, зашагал по ковровой дорожке к двери. Улыбнувшись, Виктор Семенович невольно задержал на нем взгляд – фактура впечатляющая, такими руками только балерин к потолку подбрасывать!

Оставшись один, Абакумов внимательно прочитал шифровку: «Волку. Есть информация, что одна из гитлеровских спецслужб собирается провести акцию по ликвидации товарища Сталина. В связи с этим фигурирует фамилия главы внешнеполитического ведомства Риббентропа. Лиса».

Сложив листок опять вдвое, Абакумов провел по его сгибу ногтями и небрежно бросил его на стол. Теперь содержимое шифровки недоступно даже случайному взгляду, и нужно быть большим наглецом, чтобы копать на столе у начальника военной контрразведки.

Главная задача теперь состоит в том, чтобы выяснить, какая именно из разведок собирается провести против товарища Сталина террористический акт.

Но почему Риббентроп? Что-то здесь не вяжется. Такие акции не по его ведомству. Он весьма далек от диверсионных операций, к тому же у него нет должного влияния на военные ведомства. Войну выигрывают не дипломаты, а разведка с армией.

Вот с разведки и следует начать.

Разведок в Германии несколько, и любая из них способна осуществлять разведывательно-диверсионную деятельность.

Первая, конечно же, абвер, служба военной разведки и контрразведки, возглавляемая влиятельным адмиралом Канарисом. Вторая – это внешнеполитическая разведка Главного управления имперской безопасности, возглавляемая группенфюрером СС Эрнстом Кальтенбруннером, который официально именовался начальником полиции безопасности и СД. Формально оба управления подчинялись имперскому министру внутренних дел Фрику, но в действительности их руководителем был шеф СС и полиции Гиммлер.

Гиммлер весьма влиятельная фигура в рейхе, и без его санкции не осуществляется ни одна крупная диверсионная акция.

Акцию по устранению глав государств способен провести также иностранный отдел гестапо, находившийся в ведомстве любимца Гиммлера группенфюрера СС Генриха Мюллера.

Традиционна сильна разведка СД, руководимая бригадефюрером СС Вальтером Шелленбергом.

Имелись еще две силы, которые могли осуществить такую диверсию: иностранный отдел министерства пропаганды, во главе которого находится доктор Геббельс, и имперское колониальное управление.

Пожалуй, двумя последними можно и пренебречь: они не располагают ни хорошо подготовленными разведчиками, абсолютно необходимыми для проведения столь сложной акции, ни диверсионным опытом. Кроме того, для решения столь масштабной акции, как устранение Сталина, не обойтись без новейших технических разработок: ни колониальное управление, ни тем более служба пропаганды ими не располагают.

Следовательно, остаются четыре силы, которым вполне по плечу провести диверсию против руководителя Советского государства.

Абакумов нажал на кнопку под столом. Через несколько секунд в кабинет вошел адъютант.

– Вот что, Вадим, вызови ко мне Маркова, и пускай захватит досье на руководителей немецких разведок.

– Слушаюсь, – мгновенно отозвался адъютант.

Виктор Семенович посмотрел вслед удаляющемуся капитану, на этот раз его нестройной шаг его не раздражал.

Минут через пятнадцать в кабинет с несколькими папками в руках вошел начальник следственной части.

– Вызывали, Виктор Семенович?

– Вызывал. Садитесь, Степан Дмитриевич. – Когда Марков удобно устроился на одном из стульев (по правую руку), Абакумов протянул ему листок шифровки: – Читай!

Марков, расправив листок, быстро прочитал шифровку и положил ее на стол, так же аккуратно сложив листок.

– Значит, Лиса, – задумчиво протянул Марков. – Она просто так не потревожит.

Под оперативным псевдонимом Лиса скрывалась женщина тридцати пяти лет (самый востребованный возраст в разведке. С такими данными, как у нее, она способна увлечь как восемнадцатилетнего юнца, так и опытного мужчину, имевшего в своей жизни не одну любовную победу). Звали Лису – Мария. Она была дочерью царского генерала-эмигранта. Пользуясь своими женскими чарами и природным обаянием, она умело выходила на человека, который предельно близко находился к важному источнику информации. Главное качество Марии как агента заключалось в том, что в центр она отправляла только перепроверенную информацию, причем старалась получить ее из разных источников. Ценность Лисы состояла еще в том, что она не совершала каких-то непродуманных поступков, столь свойственных женщине и часто продиктованных эмоциональным сиюминутным всплеском, – мыслила она трезво, по-мужски, и в каждом ее сообщении чувствовалась железная логика. Поначалу Абакумов подвергал ее информацию тщательной перепроверке, но потом стал доверять чуть ли не полностью.

– Вот именно. Какое ваше мнение?

– Ситуация очень серьезная. Риббентроп не тот человек, к которому стоит относиться пренебрежительно.

– Что вы можете сказать о нем?

Марков взял папку в коричневом переплете, лежавшую наверху стопки, и, немного полистав ее, сказал:

– У нас есть на него досье, довольно полное.

Виктор Семенович слегка кивнул. Удивляться не стоило. На каждого высшего руководителя вермахта в НКВД имелось подробное досье, которое постоянно дополнялось сведениями, добытыми агентурным и оперативным путем. Практика известная и своими корнями уходит в Римскую империю. Было бы наивно думать, что немцы не заводят аналогичные досье на высших руководителей Советского Союза.

– Иоахим Риббентроп – сын майора-артиллериста. Окончив гимназию, уехал в восемнадцатилетнем возрасте вместе со своим братом в Канаду в поисках лучшей доли. Жил в

Монреале. Организовал винно-импортную фирму в Оттаве. После начала Первой мировой войны в нем разыграл патриотический порыв, он вернулся в Германию и записался добровольцем в армию, стал флаг-юнкером. Участвовал в Первой мировой войне. Причем вел себя мужественно, это надо отметить, кавалер ордена Железного креста первой и второй степени. В девятнадцатом году был демобилизован. Обладает крупным состоянием. Еще более обогатился после женитьбы на дочке фабриканта шампанских вин Хенкеля. В тридцать пять лет был усыновлен своей бездетной теткой, потомственной аристократкой, после чего получил право добавлять к своей фамилии приставку «фон» и был принят в аристократические круги.

– Значит, Риббентроп – человек довольно тщеславный?

– Даже очень! – подтвердил Марков. – Над этой чертой в его окружении очень многие подтрунивают. Он является специалистом по неофициальным политическим миссиям. У нас имеются основания полагать, что он имеет контакты с английской разведкой.

– Вот как! Откуда такая информация?

– В девятьсот девятом году он учился в колледже в Англии, правда, так его и не закончил. Но некоторые из его однокашников впоследствии стали работать в английской разведке. В 1936 году он даже был послом Германии в Великобритании и через своих старинных приятелей по колледжу вел разговоры о заключении мирного договора между странами. Крупнейший успех Риббентропа – подписание договора о ненападении на СССР в 1939 году и договора о дружбе и границах 28 сентября 1939 года с секретными протоколами. В 1942 году он стал министром иностранных дел Германии.

Марков протянул папку. Абакумов раскрыл ее на первой странице. С фотографии на него смотрело волевое привлекательное лицо. Ничего общего с теми карикатурами, которыми пестрит центральная пресса. Такой человек способен возглавить министерство. Так что не стоит поддаваться самообману, надо исходить из того, что приходится иметь дело с весьма сильной и цельной личностью.

Виктор Семенович перевернул следующую страницу. Человек, составлявший досье, не уступал немцам в педантичности: каждая фотография была аккуратно подклеена и сопровождалась пояснительной надписью. Причем многие снимки были сняты с такого близкого расстояния, что не вызывало сомнений в том, что съемку производил человек из самого тесного окружения Риббентропа. И снимки эти проделали длинный и очень опасный путь, прежде чем оказаться на столе у начальника военной контрразведки России.

Внимание Виктора Семеновича привлекла фотография, где Риббентроп был запечатлен на пляже. Он демонстрировал свои мускулы. Надо признать, что он неплохо сложен. Такую фотографию мог сделать только человек, отдыхающий вместе с Риббентропом.

Может, неизвестный фотограф – женщина?

– Что он за человек?

– Характер у него весьма непростой. Люди, которые находятся в первом круге от источника информации, называют его странным человеком. Он может быть рассеянным и слегка не в себе. Но до фанатизма предан Гитлеру, это подтверждают все. Вместе с тем характер у него очень независимый. По поводу внешней политики он постоянно конфликтует с Геббельсом и Гиммлером. Может даже поспорить и с Гитлером, но неизменно пользуется его расположением. Не удивлюсь, если инициатором устранения товарища Сталина является именно Риббентроп.

– Хорошо. Давайте пройдемся по следующей кандидатуре. Адмирал Канарис!

Марков поднял следующую папку. Но открывать ее не стал. Все правильно, информацию о своем коллеге из противоположного лагеря нужно помнить наизусть.

– Фридрих-Вильгельм Канарис. Руководитель абвера, вице-адмирал. Родился в семье директора сталелитейного завода. Грек по происхождению. Еще в школьном возрасте баловался симпатическими чернилами, тогда же придумал себе псевдоним – Кика, которым поль-

зуются до настоящего времени. В немецких военно-морских вооруженных силах начал служить с 1905 года фенрихом, то есть кандидатом в офицеры, на крейсере «Бремен». После недолгой службы на миноносце получил звание обер-лейтенанта и был назначен на крейсер «Дрезден», действовавший у берегов Чили. Именно в это время он получает свое первое задание разведчика – создать агентуру, которая будет сообщать информацию о действиях и планах неприятеля. Во время Первой мировой войны был членом экипажа крейсера «Дортмунд». В марте экипаж принимает решение затопить свой корабль, оказавшийся в ловушке возле острова Хуан-Фернандес. Однако Канарис проявляет себя в этом предприятии с лучшей стороны, ему вместе с четырьмя офицерами удалось захватить небольшое парусное судно «Тинто». После четырехмесячного плавания им удается достигнуть берегов Норвегии, а оттуда через Швецию они возвращаются в Германию. С 1916 года он начал службу в военно-морской разведке и занимался организацией тайного снабжения немецких подводных лодок в водах Испании. Канарис пришел в разведку по призванию. Как говорят, он шпионит не ради фюрера, а просто потому, что это ему нравится. Кика очень много времени уделяет оперативной работе, учит агентов пользоваться тайниками и симпатическими чернилами.

– Интересная личность.

– Этого у него не отнять, Виктор Семенович. Еще через два года он стал адъютантом военного министра Носке. В последующие годы опять состоял на службе во флоте. В какой-то момент казалось, что его карьера оборвется навсегда. В 1932 году он был назначен командиром старого учебного линкора «Силезия», который во время учений инспектировал прусский премьер-министр Герман Геринг. У того случилась морская болезнь. Моряки, как это обычно случается, стали над ним подшучивать. Канарис не стал пресекать подобное поведение. Геринг в свою очередь пожаловался командованию военно-морского флота, и у Канариса с его непосредственным начальником контр-адмиралом Бастианом произошел конфликт. В результате конфликта Канарис был отправлен командовать захолустным портом в Синемюнде. В 1935 году у прежнего главы военной разведки контр-адмирала Конрада Патцига произошел конфликт с Гиммлером, в результате которого Патциг был уволен. В этом же году Гитлер пригласил Канариса на службу, и тот организовал управление разведки и контрразведки Верховного командования вооруженных сил Германии. По-другому – абвер. На мой взгляд, Канарис – прирожденный разведчик. До него военная разведка и контрразведка состояли всего лишь из одного или двух резидентов в некоторых странах. Часто совершенно неконтролируемых. Вплоть до назначения Канариса абвер проигрывал по всем статьям спецслужбам других государств. Он же создает широкомасштабную разведывательно-диверсионную сеть в Европе, Америке, Азии и в Африке. Кроме того, разведка Канариса обладает значительным техническим потенциалом. На мой взгляд, такой могучей разведке, как абвер, по силам провести подобную ликвидацию.

– Вот, значит, как... Все-таки Канарис? – задумчиво протянул Абакумов, взяв протянутую папку.

Открыв досье, он увидел групповой снимок, в центре которого стоял маленький и абсолютно седой человек с длинным носом и пронзительными умными глазами. Это и был руководитель всеильного абвера, сумевший причинить военной контрразведке немало хлопот.

Весьма достойный и непростой соперник.

– Я бы так однозначно не сказал, – после некоторого колебания предположил Марков. – Канарис весьма независимый человек, на каждый предмет он имеет свой взгляд и свое личное суждение. Кстати, на внешнюю политику Гитлера в том числе. У нас есть информация, что Канарисом чрезвычайно недовольны в нацистской верхушке, не считаться с мнением которой Гитлер просто не может. Не исключено, что в ближайшее время адмирал будет смещен со своего поста, а некоторые функции абвера перейдут СД. Скажу так, если бы перед Канарисом хотя бы год назад была поставлена подобная задача, то я не исключаю того, что она могла бы

быть успешно осуществлена. На сегодняшний день, о чем говорит наш аналитический отдел, у него не существует таких возможностей.

– А что вы можете сказать о Мюллере?

Марков слегка откашлялся:

– Генрих Мюллер – из баварских крестьян. Профессиональный полицейский-оперативник. До 1933 года был сотрудником криминальной полиции и специализировался на борьбе с нацистскими группировками. Любимец Гимmlера. Он был одним из тех, кто участвовал в разработке операции в Грейвице, ставшей поводом нападения Германии на Польшу. Один из главных разработчиков плана по уничтожению и ограблению еврейского населения Европы. Мюллер очень образован, музыкален, вечерами любит играть на пианино, прекрасно рисует. Отлично играет в шахматы. Как говорят, выиграть у него практически невозможно.

– Для начальника тайной полиции он действительно очень разносторонен, – усмехнулся Абакумов. – Но в состоянии ли гестапо осуществить теракт против товарища Сталина?

– Их главная задача – выявление и пресечение оппозиции внутри Германии и на захваченных территориях. Агентурная работа в среде иммигрантов на территории Германии. Контрразведка, опять-таки на территории Германии и на оккупированных землях. Террор в глубоком тылу другого государства – это не их профиль. Думаю, что они не возьмутся за это дело.

– А что вы скажете о Кальтенбруннере?

В этот раз нужная папка оказалась в самом низу. Аккуратно вытащив, Марков протянул ее Абакумову.

– Фигура серьезная, прямо скажу! По мелочам размениваться не умеет. Вообще в Главном управлении имперской безопасности подобрались люди основательные. По национальности он австриец, как и Гитлер... Родился в семье юриста. Хорошо образован, имеет два высших образования. Сначала окончил Высшую техническую школу в Граце, а потом получил и высшее юридическое образование. Несколько лет работал даже в Зальцбургском суде, имел частную практику в Линце. В 1932 году вступил в национал-социалистическую рабочую партию Германии. С 1935 года лидер австрийских СС. Участник нацистского выступления в 1934 году, когда был убит австрийский канцлер Дальфус. С июня 1941 года он руководитель СС и полиции в Вене. А после убийства Рейнхарда Гейдриха, любимца Гитлера, занял его место, возглавив Главное управление имперской безопасности.

– Послужной список основательный.

– И, кроме того, безукоризненная репутация. Кальтенбруннер очень умный, хитрый и беспощадный человек. Пользуется очень большим доверием Гитлера. Внешнеполитической разведке имперской безопасности вполне по силам осуществить подобный теракт. По нашей информации, вблизи линии фронта они имеют весьма разветвленную агентуру и принимают меры к ее усилению для дальнейшего продвижения в наш тыл. Но подобная акция технически весьма сложная, они могли бы осуществить намеченное только в случае объединения с какой-нибудь разведкой.

– Например?

– Например, с ведомством Шелленберга.

– Что вы можете сказать о Шелленберге?

Степан Дмитриевич протянул Абакумову весьма объемистую папку в зеленой обложке. Малейшая информация о начальнике четвертого отдела подшивалась с особой тщательностью.

Виктор Семенович открыл папку. Вальтер Шелленберг был сфотографирован в военной форме бригадефюрера СС. Во внешности ничего отталкивающего, скорее наоборот, его можно было бы назвать весьма привлекательным. Во всяком случае, женщинам нравятся мужчины подобного типа. Ему было немногим более тридцати. Спортивен. Наверняка следит за своей внешностью. В рейхе таких любят, поэтому неудивительно, что его карьера складывается столь удачно.

– Вальтер Шелленберг родился в Саарбрюккене. Имеет высшее образование, окончил юридический факультет Боннского университета. – Едва улыгнувшись, Марков добавил: – В свое время в этом заведении учился Карл Маркс. Из весьма обеспеченной семьи, его отец был владельцем фабрики, выпускающей фортепьяно и пианино. Продукция пользовалась большим спросом по всей Европе. Член национал-социалистической рабочей партии с 1923 года. Зарубежную разведку СД возглавляет с 22 июня 1941 года.

– Значит, с первого дня войны с нами?

– Да, Виктор Семенович. Я думаю, что это не случайно. Все, кто знают Шелленберга, отдают должное его ясной голове и его невероятному чутью. С начала войны им реализуется план «Предприятия „Цеппелин“, направленный исключительно против Советского Союза. В рамках этого плана началась более энергичная диверсионно-террористическая деятельность на нашей территории. Уже сейчас на многих оккупированных территориях созданы разведшколы, в которых из бывших военнопленных готовят диверсантов. Немцы называют их активистами... В этих лагерях они проходят тройную фильтрацию. Непригодных для разведывательной работы отправляют в отряды СС. Прошедших фильтр переправляют в особые предварительные лагеря, называемые форлагеря. Активистов регистрируют, выдают документы, обмундирование. Затем они принимают присягу на верность Германии. А уже затем их направляют в гауптлагерь, где агенты получают квалификацию разведчиков: радиста, диверсанта, подрывника. У зарубежной разведслужбы СД очень богатый послужной список, они ведут разведывательную и подрывную деятельность во многих странах мира. На мой взгляд, на сегодняшний день это самая серьезная из всех разведок немцев. Если кому-то и по плечу осуществить террористический акт против товарища Сталина, так это только зарубежной разведке СД.

Виктор Семенович закрыл папку, побарабанил пальцами по столу.

– Как вы думаете, где именно могут готовить таких диверсантов?

– Наиболее сильные школы диверсантов, действующих против Советского Союза, располагаются в Вене. На территории Советского Союза в Прибалтике и в Пскове. Особенно сильный преподавательский состав в разведшколе в Риге. Руководят школами в основном прибалтийские немцы, прекрасно знающие русский язык и особенности национального характера русских. Имеются среди преподавателей и бывшие белогвардейцы, вставшие на путь сотрудничества с фашистами. Правда, таких не очень много.

– У нас есть агенты в этих разведшколах?

– Так точно, Виктор Семенович!

– Составьте, пожалуйста, мне список разведлагерей, в которых могут подготовить диверсию против товарища Сталина.

– Понял, Виктор Семенович! Разрешите идти?

– Идите.

Глава 15

СТАВКА ГИТЛЕРА

В последние месяцы большую часть времени Гитлер проводил в замке «Бергхоф» на Оберзальцберге, где чувствовал себя великолепно. По его словам, он уставал от городской суеты, а вид гор и девственной природы его успокаивал. Возможно, в горах и неплохо весной, когда природа благоухает, очень красивое время – осень. Но лето не самая лучшая пора, а от многочисленных комаров просто не было спасения.

Гиммлер никогда бы не уезжал из Берлина, который очень любил, но фюрер приказал перебраться поближе к своему замку, и рейхсфюрер не без сожаления покинул канцелярию, заняв для своей штаб-квартиры большую виллу под Зальцбургом.

Гитлер назначил встречу на пятнадцать часов, так что после доклада оставалось немало времени, чтобы заняться текущими делами. Обычно Гитлер вставал около полудня, затем верный доктор Морель делал ему возбуждающий укол, и фюрер отправлялся завтракать у себя за письменным столом. Едва ли не единственный отрезок дня, что он проводил в одиночестве.

Машина Гиммлера подъехала к замку.

Личная охрана Гитлера не делала исключения даже для рейхсфюрера, остановив автомобиль, молоденький оберштурмфюрер осмотрел салон и, не заметив ничего подозрительного, распорядился:

– Проезжайте!

Шлагбаум приподнялся, и «Мерседес-Бенц» въехал на территорию «Бергхофа».

Адъютант проводил Гиммлера в просторную гостиную, где обычно проходили мероприятия, и рейхсфюрер догадался, что сразу после его доклада намечается совещание, где Гитлеру должны будут докладывать об обстановке на Восточном фронте.

Ждать пришлось недолго – минут через десять в комнату вошел Гитлер. Где-то за дверьми раздался звонкий голосок Евы Браун, в замке она была полновластной хозяйкой. Гиммлер знал, что она сторонилась его общества, и если бы она сейчас вошла в комнату, то ему пришлось бы выражать преувеличенная учтивость.

Вскинув руку, фюрер поприветствовал Гиммлера издалека, а потом они обменялись рукопожатием.

Сев в свое любимое кресло, Гитлер предложил Гиммлеру устраиваться рядом. Поблагодарив кивком головы, тот неторопливо подошел и сел.

– В последнее время я очень много слышу о Национальном комитете «Свободная Германия» и «Союзе немецких офицеров». Что вы можете сказать об этом, Гиммлер?

– Эти организации были созданы по распоряжению Сталина из пленных немецких солдат и офицеров. К ним примыкают немецкие коммунисты, эмигрировавшие в Россию. Но уверяю, мой фюрер, они не имеют никакого значения даже в пропагандистских целях.

– Мне тут доложили, что Сталин собирается создать из них воинские формирования и отправить их воевать против нас. Что же это получится, немцы будут воевать против немцев!?

– У меня другая информация. Действительно, к Сталину обращались с такой инициативой, но он отклонил это предложение, сказав, что фашистов разобьют русские солдаты без помощи немцев.

– Хотя в этом он проявил такт... Хотя для Сталина не существует никаких правил в войне, он поступает всегда так, как ему заблагорассудится!

– Сталин зашел слишком далеко, мой фюрер, и чем раньше мы его уничтожим, тем будет лучше.

– И вы ко мне с тем же предложением, – нахмурился Гитлер. – Нечто подобное я выслушал две недели назад от Риббентропа.

– Риббентроп прав, мой фюрер. Большевистский режим в России держится только на Сталине. Как только мы его уничтожим, то немецкие солдаты больше не будут погибать.

Гитлер задумался, откинувшись на спинку кресла. Помолчав, он спросил:

– И как же вы это себе представляете?

– Предоставьте это нашим разведслужбам, они сделают все, что нужно.

Дверь в зал совещаний приоткрылась, и, цокая когтями по паркету, в комнату вошла любимая овчарка фюрера Блонди. Вильнув хвостом, она прижалась к ноге Гитлера.

– Ах ты, моя девочка. Хочешь, чтобы я вывел тебя погулять? – Гиммлер понимающе улыбнулся. – Хорошо... Если это необходимо для Германии, я согласен! Кому вы можете поручить это дело?

– Думаю, что лучше всего с ним справятся Кальтенбруннер и Шелленберг.

– Что ж, пусть так и будет.

– Разрешите идти, мой фюрер?

– Идите, мой друг...

Выходя из зала, Гиммлер едва не столкнулся с Евой Браун. Женщина сделала вид, что не заметила рейхсфюрера (так оно лучше для обоих, не нужно будет рассыпаться в реверансах). Говорят, что ее характер очень сильно надломился после того, как в Мюнхене, недалеко от ее виллы, какие-то женщины крикнули ей вслед: «Потаскуха фюрера». Гитлер приказал установить вокруг ее дома дополнительные посты полиции, но вряд ли она забудет это обидное происшествие.

Глава 16

СТАЛИНА УСТРАНИТ РУССКИЙ

Ханц Грейфе остановился перед высокой массивной дубовой дверью с бронзовой ручкой, сделанной под старину. Достаточно одного взгляда, чтобы понять: человек, сидящий за дверью этого кабинета, – человек значительный и наделен в рейхе немалой властью. Впрочем, так оно и было в действительности, хозяином кабинета был начальник полиции и безопасности СД Эрнст Кальтенбруннер.

Первый раз Грейфе побывал в кабинете у группенфюрера в марте сорок второго года, когда тот решил познакомиться с будущим руководителем «Предприятия „Цеппелин“».

На «Предприятие» возлагались большие надежды. Диверсии в глубоком тылу врага, главным образом на оборонных предприятиях, железных дорогах, узлах связи. Распространение дезинформации и панических слухов среди мирного населения. Вербовка информаторов и агентов. Теракты против руководящих работников... Словом, тотальная работа, направленная на расшатывание тыла, подрыв экономики, устрашение населения. Руководить «Цеппелином» должен был опытный в таких делах человек, к тому же умеющий мыслить масштабно, видеть всю стратегию действий в целом и пренебрегать мелочами.

Побеседовав с Грейфе минут пятнадцать, он счел его кандидатуру вполне подходящей для вновь организованного отдела. Правда, в предстоящий план внес свои коррективы, пожелав, чтобы разведшколы, находящиеся в ведомстве «Цеппелина», работали на массовость. Что, собственно, впоследствии и было воплощено в жизнь. Людей, отобранных из русских военнопленных, отправляли в разведшколы, откуда они после прохождения краткосрочных курсов большими партиями отправлялись обратно в Россию в качестве разведчиков или диверсантов. Не всем суждено было добиться поставленной цели, большую часть из посланных русская контрразведка отлавливала едва ли не сразу же после приземления, многие сдавались сами, но вот те, кому все-таки удавалось проскользнуть в тыл к русским, передавали весьма важную информацию. Некоторые из них впоследствии были востребованы в рейхе и теперь в качестве преподавателей делились со слушателями накопленным опытом.

Так что Эрнст Кальтенбруннер умел мыслить масштабно и, обладая аналитическим умом, даже самую сложную проблему способен был разложить на ряд простейших составляющих.

Сегодняшняя их встреча будет пятой. Что будет на этот раз? Ханц Грейфе внутренне подготовился к тому, что впереди его ожидал какой-то новый служебный зигзаг.

На столе адъютанта Кальтенбруннера прозвенел звонок.

Молодой штандартенфюрер уверенно взял трубку.

– Хорошо, господин группенфюрер, – коротко ответил он и положил на рычаг трубку. Повернувшись к Грейфе, скромно сидящему у дверей, сказал: – Господин Кальтенбруннер ждет вас.

Ханц Грейфе поднялся. Не позабыл посмотреть в большое зеркало, висевшее на стене. Не без удовольствия отметил, что форма сидела на нем как никогда безупречно (чаще он был облачен в мешковато сидящий мундир), и, стараясь придать лицу подобающую уверенность, шагнул в сторону двери. Взявшись за массивную холодную ручку, почувствовал, как его напускная уверенность куда-то улетучилась, а волнение, взявшееся из ниоткуда, пробрало буквально до кишок.

Грейфе ожидал, что ему придется преодолевать сопротивление тяжелой двери, но она вдруг неожиданно легко поддалась, и в образовавшемся проеме он увидел худощавого Эрнста Кальтенбруннера, сидящего за широким дубовым столом. По правую руку от него распола-

гался бригадфюрер Вальтер Шелленберг. Грейфе едва не крикнул, увидев своего непосредственного начальника. Кабинет подавлял размерами и больше напоминал зал для приемов.

Остановившись в дверях, Грейфе несильно щелкнул каблуками и вытянул в приветствии руку:

– Хайль Гитлер!

В ответ раздалось сдержанное, но четкое:

– Хайль! Прошу вас, оберштурмбаннфюрер, присаживайтесь.

Нечасто Грейфе приходилось оказываться в обществе генералов.

– Ваш русский заговорил? – спросил Кальтенбруннер. – Кажется, у него псевдоним Племянник?

– Точно так, господин группенфюрер. Он оказался крепким орешком и не пожелал сотрудничать. Его пришлось расстрелять.

– Ладно... Вы знаете, зачем я вас пригласил?

Группенфюрер заметно нервничал. Грейфе не видел его таким прежде. Только Шелленберг выглядел невозмутимым и был, как всегда, серьезен.

– Нет, господин группенфюрер.

– Вас мне рекомендовал бригадфюрер, – кивнул он в сторону Шелленберга. В ответ тот только слегка качнул головой, соглашаясь. В обществе вышестоящего начальства не следовало проявлять особого красноречия, тем более когда тебя об этом не просят. – Так вот, я хочу вам сказать, задание на этот раз будет непростым. Весьма непростым. «Предприятию „Цеппелин“ поручено устранить Сталина!

Конечно же, разведшколы готовили профессиональных диверсантов для подрыва экономики в глубоком тылу русских. Имели опыт террористических акций – несколько видных военачальников русских были уничтожены именно воспитанниками «Цеппелина», но столь высокая задача ставилась впервые.

Ханц Грейфе хотел выглядеть под стать сказанному – серьезным и одновременно спокойным, как скала. Но чувствовал, что вся его собранность понемногу тает и скоро от нее останется только пыль. Его губы нелепо дрогнули, но через мгновение он сумел сосредоточиться, придав лицу выражение серьезное и торжественное одновременно.

Кальтенбруннер выдержал паузу, словно хотел услышать его ответ, но, не дождавшись, продолжил:

– Что вы на это скажете? Вас не удивляет такое задание?

– Нет, господин группенфюрер. Идет война, а в ней хороши любые средства. Главная задача – это победа.

– Вы говорите, как настоящий солдат, – одобрительно заметил Кальтенбруннер. – Причем немецкий солдат. Но вы, кажется, родились в России?

– Я прибалтийский немец, господин группенфюрер. Но русский язык и характер русских людей, по-моему, знаю неплохо.

– Как вы оказались в СС?

– В двадцатые годы мой отец перебрался в Германию, и я долгое время был сотрудником «Русского лектората» в Лейпциге, подчиненного Главному управлению имперской безопасности. Так что мое появление в СС не случайно.

– Хорошо. Вернемся к нашему вопросу. Эта война действительно отличается от всех прошедших. Прежде существовали неписанные правила, согласно которым не следовало покусаться на главнокомандующего. Когда он попадал в плен, то ему оказывались почести, соответствующие его должности. Но сейчас другое время, слишком большие противоречия разделяют нас и большевиков. А потом, на карту поставлено не просто какое-то рядовое сражение, каких между нашими странами было немало, а операция, от которой, возможно, зависит исход войны. Вы прочувствовали серьезность ситуации, оберштурмбаннфюрер?

- Так точно, господин группенфюрер! – вскочил Грейфе.
- Садитесь, – великодушно махнул рукой Кальтенбруннер.
- Операцию по ликвидации Сталина предлагаю назвать «Возмездие»! Возражений нет? Шелленберг благодушно кивнул, соглашаясь.

Эрнст Кальтенбруннер руководил Главным управлением имперской безопасности и подчинялся лично Гиммлеру, который руководил всеми секретными службами, а следовательно, операция была одобрена на самом верху. Будто угадав мысли Грейфе, Кальтенбруннер живо продолжил:

– Гиммлер уже обсуждал этот вопрос с фюрером, и именно на нас решено было возложить обеспечение этой задачи. Оберштурмбаннфюрер, вы имеете большой опыт диверсионных работ, у вас есть какие-нибудь предложения?

– Задача очень сложная, группенфюрер. Сталин – один из самых охраняемых людей в мире. Рузвельта не охраняют так тщательно, как Сталина! Мое мнение такое – устранить Сталина способен только русский.

– А если организовать какую-нибудь международную конференцию?

– Вряд ли Сталин появится на какой-либо международной встрече, он очень осторожен. Но при этом свободно разъезжает по Москве и в этом случае может быть уязвимым. Часто Сталин бывает в Большом театре, это тоже место, пригодное для осуществления нашего плана. Например, можно положить бомбу под его ложу.

– Вы, я вижу, сразу вникли в проблему, – похвалил Кальтенбруннер.

– Мне самому не раз приходила мысль об устранении Сталина. На предельно близкое расстояние к машине Сталина может подойти только человек военный. Такому всегда больше доверия. Чисто психологически... И как только Сталин окажется на расстоянии выстрела, то его можно будет застрелить из обыкновенного пистолета. Но чтобы наверняка поразить цель, пули должны быть отравлены, например, цианистым калием. Это один из вариантов.

– Но Сталин очень редко покидает машину, – заметил Шелленберг. – Если его можно уничтожить, так только на расстоянии.

– Что вы предлагаете? – с интересом посмотрел Кальтенбруннер на Шелленберга.

– Во внешней разведке есть очень серьезные лаборатории. Не так давно мы впустили в производство так называемые «стреляющие пуговицы». Имеются хорошие результаты.

– В этом случае должно быть что-то посерьезнее, чтобы пробить бронированную машину.

– Сейчас мы как раз работаем над этим.

– Имеется ли возможность направить десант на дачу Сталина? – посмотрел Кальтенбруннер на Грейфе.

– Имеется, господин группенфюрер, – быстро отозвался Грейфе. – Сейчас в районе Подмосковья насчитывается около сотни наших агентов, прошедших серьезное обучение в диверсионно-разведывательной школе.

– Насколько они надежны?

– Подбор производится самый тщательный. Каждый из них пострадал от коммунистов, так что у них имеются личные счеты к Сталину. Из них можно создать вполне боеспособный отряд и попытаться прорваться к даче Сталина. Тем более что его дача находится в глубоком лесу и, по существу, отрезана от внешнего мира. Большой группой можно пробиться через лес и расстрелять Сталина прямо на даче.

– Хорошо, – кивнул Кальтенбруннер, – для начала попробуйте этот вариант. Есть еще предложения?

– Есть, господин группенфюрер, – уверенно продолжил Грейфе. – Нападение на дачу Сталина – это крупномасштабная акция и требует довольно серьезной подготовки. Но нельзя отвергать и варианта, при котором машину Сталина можно расстрелять с близкого расстояния, например, в тот самый момент, когда она выезжает из Кремля.

– Хм... Это больше смахивает на самоубийство. Красная площадь тщательно контролируется органами НКВД, и каждый, кто появится там с оружием, будет уничтожен!

– Среди русских можно отыскать и таких людей, которые готовы на самопожертвование, только чтобы уничтожить Сталина.

– Ну что ж, попробуйте поискать. Обрисуйте в общих деталях, как вы себе это представляете?

– Среди пленных имеются люди, которые прежде работали в Кремле. Или, во всяком случае, там сейчас работают их родственники. А уж тут и до Сталина недалеко! Например, если агент работает в кремлевском гараже, то он сумеет прикрепить к машине Сталина бомбу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.